

На правах рукописи

ИЛЬИНА Елена Валерьевна

МОДАЛЬНОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ КОНСОЛИДАЦИИ
СМЫСЛОВОГО СТРАТУМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Тверь 2014

Работа выполнена на кафедре английской филологии ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет»

Научный консультант

Крюкова Наталия Федоровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет»

Официальные оппоненты:

Базылев Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания, проректор по научной работе и инновационным проектам ФГБОУ ВПО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»;

Слышкин Геннадий Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общественные науки и профессиональная коммуникация» ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет путей сообщения»;

Романовская Нэля Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой специальной языковой подготовки ФГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет гражданской авиации».

Ведущая организация

ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет».

Защита состоится «___» _____ 2014 г. в ___ час. ___ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33, ауд. 206.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке (ул. Володарского, д. 44а) и на сайте ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет» – <http://dissertations.tversu.ru/>

Отзывы можно отправлять по адресу: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33, учёному секретарю диссертационного совета Д 212.263.03.

Автореферат разослан «___» _____ 2014 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

В.Н. Маскадыня

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Модальность относится к числу явлений, понятийное содержание и функции которых до конца не определены. Вопрос об ограничении сферы функционирования модальности как в языке, так и в речи, или, наоборот, о придании ей статуса одного из механизмов, обеспечивающих устойчивость и целостность системы языка, всегда вызывал интерес у учёных. В рамках традиционных направлений лингвистической мысли оба указанных подхода к трактовке модальности получили разностороннее освещение. Однако, с нашей точки зрения, изучение формально-грамматических, функционально-семантических, когнитивных, психологических и т.д. оснований модальности не смогло в полной мере охарактеризовать статус модальности среди других языковых явлений. Настоящее исследование является попыткой описать существенные свойства модальности с позиций филологической герменевтики, которая в центр внимания ставит исследование смыслов посредством анализа способа взаимодействия средств, в которых смыслы опредмечиваются в тексте.

Сферой исследовательских интересов в диссертации является функционирование модальности в художественном тексте. Филологическая герменевтика устанавливает основные направления для анализа текста, а именно, указывает на смысл как предусловие создания текста, прежде всего текста художественного. Представляется, что художественный текст наиболее полно отражает работу человеческого сознания по созданию с помощью средств языка индивидуального модализированного видения мира, в котором действительность подвергается преобразованию в той или иной степени.

Художественный текст рассматривается нами как модально регламентированное пространство бытия смыслов, в котором смысловая система «живёт», т.е. может быть распределена реципиентом так, что в отношении смыслов-модализаций и основных подчинённых им смыслов получившаяся смысловая конфигурация будет воспроизводить основные блоки исходной смысловой системы. Такое смысловое сходство возможно благодаря действию модальной партитуры распределечивания смыслов текста.

Модальная организация смыслового стратума художественного текста предполагает действие рефлексии на двух уровнях. На первом уровне смысловой организации текста происходит объединение отдельных *кластеров* такой партитуры. Кластер модальной партитуры (от англ. cluster – «скопление») представляет собой объединение нескольких единичных смыслов, один из которых – смысл-модализация – выполняет функцию модификатора-объединителя, который направляет и обуславливает ход распределечивания подчинённых ему смыслов в процессе понимания.

Таким образом, модальная партитура распределечивания смыслов текста представляет собой:

во-первых, регулирующей механизм, предопределяющий ту или иную стратегию взаимодействия уровней содержания и смысла;

во-вторых, систему модальных ориентиров – опредмеченных в тексте смыслов-модализаций, выполняющих служебную функцию – направляющих

распредмечивание подчинённых им смыслов в каждом кластере такой партитуры (в процессе рефлексивного действования с текстом каждый подчинённый смысл блока-кластера активизируется, модально окрашивается под воздействием смысла-модализации).

Термин «*стратум*» является калькой от англ. «stratum». В отличие от рус. слова «страта» – уровень, слой, группа – в фокусе оказывается не только уровневая организация смыслового плана в тексте, но его обязательная целостность, создаваемая благодаря консолидирующей силе модальной партитуры распредмечивания смыслов текста. Смысловой стратум текста рассматривается как гиперструктура, которая предопределяет конструктивные свойства как содержания, так и формы.

Разработанная в исследовании методика анализа художественного текста предполагает описание связей, устанавливающихся на уровне содержания и на уровне смысла. Содержание есть субстанция – «что», т.е. отвердевшая в языковой материи текста цепь предикаций, наполненных языковыми единицами с соответствующими им в данном контексте значениями. Смысл и форма (содержательная форма и средства текстопостроения в художественном тексте) – модусные «как», т.е. то, как у автора это «что» получилось. Содержание предстает как результат выбора формы для опредмечивания смысла. Модальные смыслы, или смыслы-модализации выделяются среди всех других смыслов. Они выполняют служебную функцию, организуя и упорядочивая опредмечивание остальных смыслов. *Модальный* статус таких смыслов обеспечивается тем, что они опредмечиваются как способы изменения реальности в тексте. Направление данного изменения определяется автором через смыслы-модализации как ориентиры. Опираясь на такие ориентиры, читатель способен понять замысел автора, а текст при каждом новом прочтении останется одним и тем же текстом в плане выделения ключевых смыслов, которые всегда будут поняты практически любым реципиентом.

В предлагаемой нами концепции преломление свойств языковой модальности в тексте связывается с предположением о том, что распредмечивание всех компонентов смыслового уровня в тексте направляется и детерминируется группой узловых модальных смыслов. В результате рефлексии над текстом такие смыслы категоризируются и превращаются в языковые модальные значения. Повторение такой категоризации в каждом конкретном случае дополняется восстановлением установившихся в языке отношений между модальными значениями. Система оппозитивных пар модальных значений (необходимости/возможности, веры/знания, волеизъявления/долженствования, способности/умения) вместе с их отношениями составляет понятийное поле языковой модальности.

Актуальность исследования определяется тем, что, согласно развиваемой в работе концепции, действие модального механизма при понимании текста (на примере текста художественного) обеспечивает сходство всех возможных «пониманий» текстов культуры различными реципиентами. Результаты исследования названного механизма позволят разработать ряд методик, направленных на повышение эффективности понимания в различных сферах коммуникации.

Объектом исследования выступает модальная партитурная организация смысловой структуры художественного текста.

В качестве *предмета* исследования выделяется преломление свойств модальности как языковой универсалии в художественном тексте, где модальность выступает как механизм организации деятельности смыслоопредмечивания при продукции текста и дальнейшего смыслораспредмечивания при его рецепции.

Цель настоящего диссертационного исследования состоит в описании содержательного наполнения и отношений между компонентами содержания поля языковой модальности. Основанием указанного описания является преломление свойств и категоризация смысловой основы модальности как механизма консолидации смыслового стратума художественного текста. Внутренняя смысловая структура текста включает необходимые ориентиры для его последующего понимания, а также автономного существования текста как единицы с собственной системой смысловых координат. Стабильность этой системы обеспечивается формированием модальной партитуры для дальнейшего распредемечивания смыслов читателем.

В основу работы положена следующая *гипотеза*: направление и упорядочивание рефлексивного процесса с помощью модальной партитуры распредемечивания смыслов текста обеспечивает консолидацию всего смыслового стратума текста, а также восстановление динамики отношений между понятийными блоками поля языковой модальности. Под консолидацией смысла в тексте мы понимаем растягивание смысловых линий, их наращивание и конфигурирование для перехода к единому «смыслу текста».

Достижение поставленной цели и проверка выдвигаемой гипотезы реализовывались в ходе выполнения следующих *задач*.

1. Обосновать обусловленность процесса формирования и развития языковой модальности функционированием модальности как смыслового механизма на уровне текста.

2. Рассмотреть модальность как поле языкового сознания (термин «языковое сознание» используется в герменевтической интерпретации В.П. Литвинова [Литвинов 2006: 121]). Описать состав и динамику данного поля.

3. Разграничить термины «модальное значение» и «модальный смысл».

4. Описать процесс координации деятельности рефлексии согласно модальной партитуре распредемечивания смыслов текста.

5. Рассмотреть основные типологические вариации модальных партитур в плане установления способа взаимодействия уровней содержания и смысла, а также в отношении выделения возможных разновидностей отношений смыслов внутри кластеров модальной партитуры.

6. Определить статус модальности в её отношении к предикативности и метафоризации.

7. Описать возможности взаимодействия модальности и оценки, а также, модальности, оценки и области представленности аффективных реакций в языке и тексте.

8. Рассмотреть взаимодействие полей модальности и времени в языке, модальности и времени в его подчинённости дейктической организации плана содержания текста.

9. Выделить характеристики текста как модально регламентируемого пространства бытия смыслов.

Научная новизна настоящего исследования состоит: (1) в описании понятийной основы языковой и текстовой модальности с герменевтических теоретических позиций; (2) в обосновании ведущей роли модальности в координации процесса распредмечивания смыслов художественного текста; (3) в разработке модели функционирования модальности в художественном тексте, согласно которой модальность выступает как механизм консолидации смыслового стратума такого текста; (4) в описании взаимодействия модального механизма консолидации смыслового стратума текста с другими универсальными мыслительно-языковыми категориями и процессами, участвующими в процессе опредмечивания смыслов в художественном тексте, – предикативностью, метафоризацией, оценкой, временем (в составе глобальной категории дейксиса), областью представленности аффективных реакций в языке; (5) в разработке методики анализа модальной структуры художественного текста при учете взаимодействия уровней содержания и смысла под воздействием модального механизма консолидации смыслового стратума текста.

Теоретическая значимость диссертации заключается: (1) в разработке модели функционирования модальности в художественном тексте; (2) в создании концепции консолидации смыслового стратума художественного текста под воздействием модальной партитуры распредмечивания его смыслов; (3) в описании содержания и структуры понятийного поля модальности в виде модального устройства языкового сознания – упорядоченной системы определенным образом взаимодействующих оппозитивных пар модальных значений; (4) в установлении генетической связи между языковой модальностью и модальностью в тексте на основании нисходящей категоризации узловых смыслов-модализаций модальной партитуры и их перехода в модальные значения, а также восстановления динамики модального устройства сознания; (5) во введении в исследовательский инструментарий ряда понятий – *смысл-модализация, модальная партитура распредмечивания смыслов, кластер модальной партитуры*; (6) в уточнении понятийного противопоставления «*модальный смысл – модальное значение*» применительно к художественному тексту как пространству существования, взаимодействия и развития данной оппозиции; (7) в обосновании координирующего статуса модальности относительно других универсальных мыслительно-языковых явлений и категорий – метафоры, оценки, времени и дейксиса.

Практическая ценность работы состоит в том, что результаты исследования (описание стратегий взаимодействия содержания и смысла, состав и динамика универсального модального устройства сознания, виды внутрикластерных отношений между узловым смыслом-модализацией и подчинёнными смыслами, а также процессы трансформации связей первого уровня смыслового стратума текста при переходе к более высокому уровню структурной организа-

ции с целью достижения смысловой целостности текста) могут использоваться для анализа художественных текстов в различных практических целях – в ходе процедуры редактирования, для создания литературно-критической оценки значимости и ценности данного текста, при проведении переводческого анализа оригинала и пр. Полученные данные о модальном устройстве смыслового стратума текста могут служить основой для разработки рекомендаций по оптимизации процесса порождения текстов, ориентированных на опредмечивание смысла, не только в рамках художественного творчества, но и в различных сферах коммуникации. Теоретические положения и выводы диссертации могут использоваться в лекционных курсах по теоретической грамматике, языкознанию, сравнительной типологии, стилистике. Методика анализа модальной организации смыслового стратума художественного текста может послужить основой для разработки практических методик преподавания литературы и языка в школе и вузе. Материалы диссертации могут найти применение при разработке спецкурсов, спецсеминаров в рамках программы подготовки и переподготовки лингвистов, филологов, переводчиков, редакторов.

Материалом исследования послужили данные анализа художественных текстов. Анализ производился с помощью разработанной нами методики, предполагающей описание организации и взаимодействия средств текстопостроения в следующих аспектах: 1) определение стратегии взаимодействия уровней содержания и смысла в тексте; 2) выявление способа опредмечивания смыслов-модализаций и основных подчинённых им смыслов в каждом кластере модальной партитуры (посредством рассмотрения комплексов средств текстопостроения); 3) описание внутрикластерной организации модальной партитуры – влияния смысла-модализации на опредмечивание и взаимодействие подчинённых ему смыслов; 4) определение направления нисходящей категоризации и перехода смыслов-модализаций в модальные значения с восстановлением связей универсального модального устройства языкового сознания; 5) описание организации межкластерного смысловдвижения и смыслоразвития – процессов растягивания, наращивания и конфигурирования смыслов.

Теоретической основой исследования являются труды по филологической герменевтике (Богин 1982 (2009), 2000, 2001; Богатырёв 1996, 1998, 2001; Галеева 1999; Крюкова 2001; Литвинов 2006; Оборина 1993; Пихновский 2004; Соловьева 2010), классические работы по теории языка (Панфилов 1971, 1982; Соссюр 1933; Стеблин-Каменский 1956; Уорф 1960; Хомский 1972; Щерба 1974; Halliday 1976; Sapir 1921, 1939 и др.), теории и философии грамматики (Есперсен 1958; Звегинцев 1962, 1973; Почепцов 1981; Потеня 1958; Смирницкий 1959; Степанов Ю.С. 1981; Химик 1986; Юрченко 2000), классические и современные работы по языковой и текстовой модальности (Балли 1955; Бондарко 1979, 1983, 2001; Валгина 2003; Виноградов 1975; Дешериева 1987; Зорина 2005; Ицкович 1958; Немец 1989; Романова 2006, 2008; Coates 1983; Palmer 1979; Perkins 1983 и др.), синтаксической и общей семантике (Валимова 1967; Золотова 1973; Иванова В.И. 2001; Падучева 1974; Слюсарева 1986; Солганик 1981, 2000; Солнцев 1974; Сусов 1974), лингвистике текста (Бочкова 2007; Гальперин 1974, 1981; Степанов Г.В. 1974; Тураева 1994 и др.).

Задачи, поставленные в рамках диссертационной работы, определили применение соответствующих *методов исследования*:

- ✓ в ходе построения модели функционирования модальности в тексте и выявления понятийных оснований и закономерностей преломления выделенных свойств модальности в языке – метода моделирования, теоретико-индуктивного метода, общенаучных методик сопоставления, анализа и синтеза;
- ✓ в процессе проведения теоретического анализа «текстообусловленных» свойств языковой модальности в её соотношении с другими глобальными мыслительно-языковыми категориями (метафорой, оценкой, временем) – метода описания, гипотетико-индуктивного метода, метода аналогии, метода обобщения;
- ✓ в ходе практического анализа текстового материала – разработанной методики анализа модальной структуры художественного текста, методики «герменевтического круга», приёмов лингвистического, стилистического, поэтического, контекстного и интроспективного анализа текста, модели системомыследеятельности Г.П. Щедровицкого.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Модальность выступает как механизм консолидации всего смыслового стратума художественного текста, что достигается посредством конструирования модальной партитуры, направляющей и регулирующей ход распределения смыслов при рецепции текста, а также меру взаимодействия уровней содержания и смысла.

2. Модальную партитуру распределения смыслов текста составляют *кластеры*, состоящие из объединений узловых *смыслов-модализаций* (находящихся в центре каждого кластера) и подчинённых им пассивно модальных смыслов. Распределение всех компонентов смыслового стратума текста на *первом уровне консолидации* направляется и детерминируется группой таких узловых модальных смыслов, организующих деятельность рефлексии в каждом кластере модальной партитуры.

3. Упорядочивание и управление рефлексией над текстом с помощью модальной партитуры обеспечивает сходство всех возможных интерпретаций, т.е. в отношении смыслов-модализаций и основных подчинённых им смыслов получившаяся смысловая конфигурация будет воспроизводить основные блоки исходной смысловой системы.

4. Модальная организация смыслового стратума текста определяет тип отношения между уровнями содержания и смысла, которые взаимодействуют между собой согласно одной из следующих стратегий: *стратегии установления противоположения, стратегии выявления противоречия, стратегий presupпозирования и коррелирования*. Тип модальной партитуры далее модифицируется под влиянием одного из следующих типов отношений, устанавливаемых между смыслом-модализацией и подчинёнными смыслами в каждом кластере модальной партитуры: *выделение, стягивание, взаимное пересечение, расширение и взаимная каузация*.

5. В зависимости от типа отношений между блоками содержания и смысла узловые смыслы-модализации в результате процесса «нисходящей» категоризации застывают в модальных значениях определённой группы (*необходимости/возможности, способности/умения, волеизъявления/долженствования, веры/знания*). Эти оппозитивные пары значений и отношения между ними составляют *универсальное модальное устройство языкового сознания*. При переходе модальных смыслов в модальные значения в результате нисходящей категоризации восстанавливаются связи универсального модального устройства сознания.

6. Оценка как модальный оператор, с одной стороны, является средством активизации процесса восстановления динамики модального устройства сознания, с другой стороны, обеспечивает совместно с языковыми средствами выражения аффективных состояний (эмоций) интенсификацию процесса консолидации смыслового стратума текста.

7. Создаваемая в тексте система временных координат и его целостная дейктическая организация выступают как составляющие субстанциональной рамки (основы плана содержания) для построения модальной партитуры распределения смыслов текста.

8. Установление межкластерных связей в модальной партитуре распределения смыслов текста обеспечивает «восходящую» категоризацию» и переход на *второй уровень консолидации* смыслового стратума текста – уровень метасмыслов и идей как смысловых интервалов (равноправных противопоставленных друг другу смысловых линий).

Апробация результатов исследования. Теоретические положения и выводы диссертации освещались автором в докладах и сообщениях на международных, всероссийских и региональных конференциях: региональной научно-практической конференции «Потенциал русского слова в межъязыковом пространстве» (Калуга, 29–31 января 2007 г.), VIII российской научно-практической конференции «Мировая культура и язык: взгляд молодых исследователей» (Томск, 14–15 ноября 2008 г.), V международной научно-практической конференции «Общество – язык – культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке» (Москва, 2 декабря 2010 г.), VII международной научно-практической конференции «Современные вопросы науки – XXI век» (Тамбов, 29 марта 2011 г.), международной интернет-конференции «Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании» (1–15 октября 2011 г.), IV международной заочной научно-практической конференции «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования» (Краснодар, 15 марта 2012 г.), международной заочной научно-практической конференции «Современные вопросы науки и образования – XXI век» (Тамбов, 29 февраля 2012 г.), международной научно-практической конференции «Стратегии исследования языковых единиц» (Тверь, 28 апреля 2012 г.), всероссийской научно-практической конференции «Проблемы межнациональных отношений: состояние и перспективы» (Тверь, октябрь 2012 г.), VII международной научно-практической конференции «Тенденции и перспективы развития современного научного знания» (Москва, 29 июня 2013 г.), международной заочной

научно-практической конференции «Современное общество, образование и наука» (Тамбов, 31 июля 2013 г.), XII международной научно-практической конференции «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования» (Краснодар, 12 августа 2013 г.), III международной конференции «Applied Sciences in Europe: tendencies of contemporary development» (Германия, Штутгарт, 2–3 сентября 2013 г.), XII международной научно-практической конференции «Современная филология: теория и практика» (Москва, сентябрь 2013 г.), IX международной научно-практической конференции «Wschodnie partnerstwo – 2013» (Польша, Пшемысль, 7–15 сентября 2013 г.).

Публикации. Основные положения диссертации опубликованы в 43 работах общим объемом 39,7 п.л., из них 4 монографии и 15 статей в рецензируемых научных журналах РФ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, библиографического списка, списка источников и двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обосновывается актуальность выбранной темы, определяются объект, предмет исследования; формулируются цель и задачи работы, раскрываются её научная новизна, практическая и теоретическая значимость работы; характеризуется материал, методологические основы и методика анализа художественного текста; излагаются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «*Модальность в языке и тексте: возможности модальной организации смыслового стратума художественного текста*» рассматриваются теоретические вопросы, связанные с трактовкой понятия модальности и подходами к её изучению; обосновывается выбор герменевтической методологии; обсуждаются: 1) приоритет описания смысловой стороны явления модальности и выявления сущностных характеристик модальности, обеспечивающих координацию процесса производства и освоения смыслов в тексте; 2) различие понятий «модальное значение» и «модальный смысл» и двусторонний статус модальности как категории функционально-семантической и метасмысловой; 3) выражение понятийной основы модальности в первую очередь не с помощью блоков средств языковой системы, а посредством задействования комплекса средств текстопостроения при отсутствии имманентной связи между средствами и опредмечиваемыми в них модальными смыслами; 4) обусловленность процесса формирования и развития языковой модальности её участием в процессах смыслоопредмечивания и смыслораспредмечивания в тексте; 5) наличие модального смыслового каркаса в тексте – модальной партитуры распределмечивания смыслов, обеспечивающей построение некоторого инвариантного механизма освоения смыслов текста; 6) описание модальности как механизма консолидации смыслового стратума художественного текста; указанный механизм, с одной стороны, определяет переход от уровня содержания текста собственно к стратуму смыслов, а с другой стороны, обеспечивает категоризацию узловых смыслов-модализаций и их переход в постоянно воспроизводимые модальные значения.

Указанные вопросы не получили достаточно полного объяснения в рамках лингвистической прагматики, когнитивной лингвистики и психолингвистики, равно как и в более ранних направлениях лингвистической мысли, или были описаны в ином ракурсе. Результаты настоящей работы свидетельствуют о том, что парадигма филологической герменевтики оказалась продуктивной базой для рассмотрения языковой модальности в её статусе координатора основных механизмов оязыковлени деятельности смыслопроизводства.

Анализ отношений внутри конгломерата модальных средств в языке, проведенный нами в первой главе диссертации позволил выявить следующие закономерности.

1. Модальность способствует интеграции средств языковой системы (модальные глаголы могут характеризоваться наличием и лексического и грамматического значения, отрицание с глаголом мысли в главном предложении определяет выбор сослагательного наклонения в придаточном аналогично с чисто формальным выбором в случае передачи косвенной речи и т.п.). Объединение единиц речевой цепи в рамках текста также может квалифицироваться как ещё один способ манифестации модальности (подробнее см: [Гальперин 1981: 115, 123; Palmer 1986: 6, 22; Plank 1984; Sweetser 1990; Huddleston 1976: 333]). На смысловом уровне понятие интеграции соответствует консолидации в плане растягивания, наращивания и конфигурирования единичных смыслов в ходе деятельности их распремечивания в соответствии с модальной партитурой текста.

2. Модальность является категорией актуализации, создающей интерпретационную рамку. Последняя подсказывает адекватный вариант интерпретации, который должен выбрать реципиент в соответствии с замыслом говорящего (на это указывает функционирование артикля во многих европейских языках, использование вопросительных предложений для выражения сомнения, модификация форм в сложных условных предложениях в соответствии с различиями в степени уверенности и т.д.) (подробнее см.: [Мартине 1963: 478; Кострова 1999: 4; Bybee et al. 1994: 238 и далее; Fauconnier 1994: 193; Lyons 1977: 748]). На уровне смысла текста актуализация связана с выделением наиболее важных смыслов каждого кластерного блока модальной партитуры, что обеспечивает инвариантное сходство всех возможных интерпретаций.

Показательно в этой связи представление о модальности О.И. Москальской, которая подчёркивает статус этой категории как коммуникативного актуализатора речевых построений (в том числе текстов) [Москальская 1981: 119 и далее]. Модальность является тем ключом, который обеспечивает создание интерпретативной модели, позволяющей в рефлексивном действовании с текстом уверенно восстанавливать основные смысловые связи.

Наиболее существенным критерием, определяющим успешность понимания текста, является адекватность такой вторичной интерпретации. Это означает, что высвечивание граней смыслов, подлежащих распремечиванию, необходимо будет затрагивать основные указываемые модальной партитурой смыслы, что обеспечивает их растягивание, наращивание и т.п. Указание смыслов и их граней инициируется концентрацией рефлексивного усилия на узлах класте-

ров модальной партитуры – смыслах-модализациях и соответствующих им средствах текстопостроения (см. рис. 1, 2).

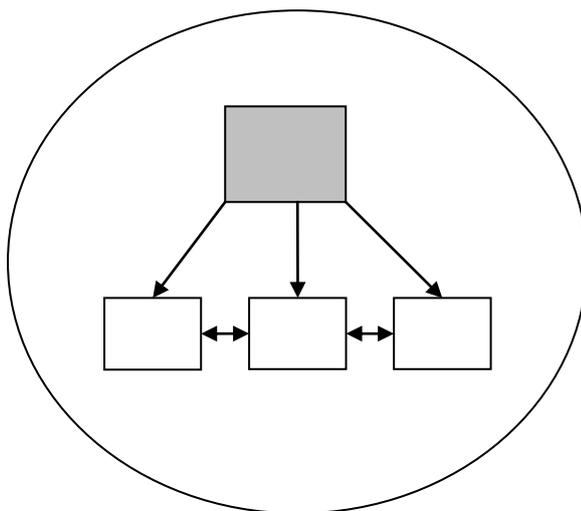

Рис. 1. Модальная партитура распределения смыслов текста:
внутрикластерное взаимодействие

Пояснение: ядерный смысл-модализация (заштрихованный прямоугольник) инициирует и контролирует взаимодействие между подчинёнными смыслами.

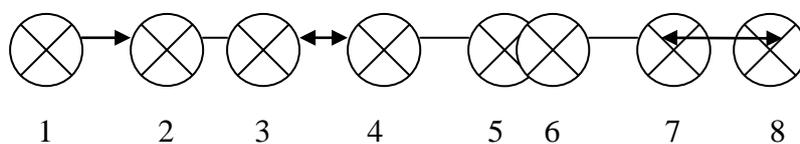

Рис. 2. Модальная партитура распределения смыслов текста:
межкластерное взаимодействие

Пояснение: кружки с секторным делением представляют кластеры модальной партитуры, в середине (ядре) каждого кластера – ядерный смысл-модализация. Кластеры соединены в цепь, поскольку рефлексия над текстом протекает во времени, и рефлексивные действия выстраиваются в последовательность. Отношения между кластерами могут быть как односторонними (1–2), так и взаимными (3–4). Кластеры могут накладываться друг на друга как своими периферийными частями: общие подчинённые смыслы у двух или более кластеров (5–6); так и ядерными частями: общий смысл-модализация (7–8).

Одним из наиболее важных положений в работе является определение модальности на уровне языковой системы как поля языкового сознания, управляющего стратегиями формирования смысловой структуры речевых сообщений (текстов). Указанное поле представляет собой систему взаимосвязанных блоков модальных значений, возникновение, группировка и установление определённых отношений между которыми есть результат модального партитурного упорядочивания смысловой структуры текстов (анализ и выявление рассматривае-

мых закономерностей проводился на материале художественных текстов). Согласно герменевтической интерпретации связи смысла и значения (Тверская герменевтическая школа) (подробнее см.: [Богин 1989, 2001]), значения возникают в результате нисходящей категоризации смыслов – смыслы, к которым наиболее часто обращаются в определённом культурно-языковом сообществе кристаллизуются и закрепляются языковой системой в виде значений, далее хранимых и воспроизводимых уже как готовые слепки деятельности рефлексии. Однако есть смыслы, которые никогда в значения не переходят и существуют как предельные идеи, метасмыслы, существующие в пространстве культуры и сознания её носителей (подробнее см.: [Богатырёв 1996: 71, 76; Галева 1999: 96–98]).

В языке модальные значения имеют особый статус. Он связан с тем, что модальные смыслы в тексте выполняют служебную функцию. Модальные смыслы относятся к категории наиболее легко опознаваемых. Читатель при освоении пространства смыслов любого текста обязательно проходит путь превращения таких смыслов в значения. Значения в основном восстанавливаются не по отдельности, а в связанных блоках. При этом активизируются установившиеся в языке связи между этими значениями и, при наличии оценочных компонентов в модальной партитуре текста, реализуется возможность перехода одних модальных значений в другие. В результате частично или полностью восстанавливается динамика связей *модального устройства сознания*. В рамках данного понятия объединяются представления об оппозитивных парах (блоках) модальных значений, их системе, связях между ними, статике и динамике этой системы.

Модальность присутствует в большинстве грамматических языков, поэтому представляется, что предлагаемая модель понятийных оснований модальности будет работать практически для любой языковой системы. В конкретном языке модальное устройство сознания может подвергаться модификациям в плане реализации его динамики, связей между блоками значений.

Воссоздание динамики устройства в той или иной его части происходит всякий раз при работе рефлексии, поскольку смыслы-модализации в результате деятельности по распредмечиванию смыслов текста категоризируются; восстанавливаются исходные модальные значения и связи между ними.

С нашей точки зрения, система модальных значений, образующих модальное устройство сознания, включает в себя четыре блока: значения *необходимости/возможности* – в алетическом, деонтическом, а также эпистемическом аспектах; значения *волеизъявления/долженствования* – как понятийные категории в рамках деонтической модальности; значения *веры/знания* как субъективная и объективная стороны эпистемической интерпретации модальности. Также в систему следует ввести корпус значений *способности/умения*, образующих основу динамической модальности.

Все блоки модальных значений связаны друг с другом. Такая связь имеет не произвольный характер, а представляется в виде упорядоченной системы следующего типа (см. рис. 3)

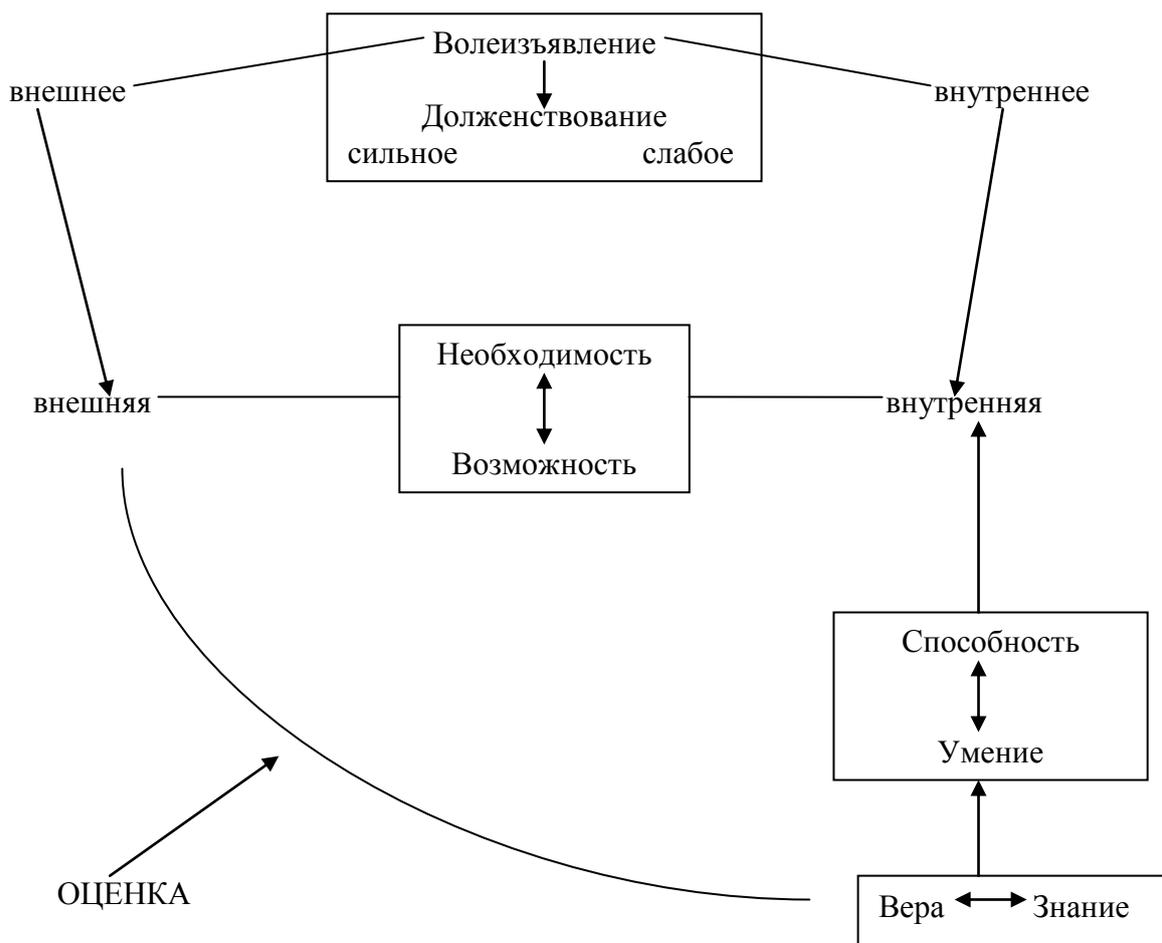

Рис. 3. Модальное устройство языкового сознания

Прямой чертой обозначены отношения типовой соотнесенности (виды возможности, необходимости). Однонаправленные стрелки указывают на одностороннее влияние, двунаправленные – выделяют соотносительную связь. Слово «устройство» используется нами в значении механизма, который отвечает за сохранение рассматриваемой области языкового сознания как части идеальных оснований языковой системы. Значения в каждом блоке модального устройства объединяются по принципу связанности полярных понятий, в этом случае линейная шкала с противоположными полюсами превращается в круг, систему, обладающую внутренней динамикой, вечную систему.

Центральным блоком значений системы является оппозиция категорий необходимости/возможности. Помещение блока значений необходимости/возможности в центр устройства обусловлено тем, что большинство значений других блоков оказываются непосредственно или косвенно с ними связанными. Значения необходимости/возможности рассматриваются как прототипические (см.: [Ehrman 1966; Tregidgo 1982; Haegeman 1983; Klinge 1993, 1995; Groefsema 1995; Papafragou 2000]), поскольку существует возможность трансформации всех других модальных значений в значения необходимости как сущего в действительности и возможности как сущего в потенции в действитель-

ном мире или актуальной возможности в другой альтернативной системе координат.

Блок значений веры/знания как основа эпистемической модальности является наиболее близкой трансформацией значений центральной оппозитивной пары, также рассматриваемых как понятийные основания эпистемической модальности. Блок значений веры/знания размещён на рисунке в нижней части устройства. Однако это не говорит о его подчинённом положении, но лишь указывает на то, что он располагается на периферии устройства, как бы вне его, играя очень важную роль – роль запускающего механизма. При этом обеспечивается центробежность направления взаимодействия значений, поскольку центр и периферия оказываются онтологически связанными, представляя собой пере-выражение одного и того же понятийного блока. Помещение оппозитивной пары веры/знания в утверждаемую позицию также косвенно подкрепляется связью, устанавливаемой между ним и блоком способности/умения (ср.: глагол «знать», а также оборот «знать как сделать» как лексические предшественники модальных глаголов со значением умения [Bybee et al. 1994: 190]). Блок способности/умения также оказывается связанным с блоком необходимости/возможности через внутреннюю модификацию значения возможности (см. об этом: [Плунгян 2011: 428]).

Помимо этого, если принять во внимание стремление многих учёных связать основное понятийное содержание модальности с отношением высказывания к действительности, то окажется, что выражение реальности/ирреальности содержания высказывания выключено из модального устройства сознания и должно включаться в идеальное содержание других категорий, например, ирреалиса или эвиденциальности. По нашему мнению, разделение блоков необходимости/возможности и веры/знания, определяющее центробежную динамику устройства, как нельзя лучше способно описать процесс языковой фиксации понятийного противопоставления реальности/ирреальности. Не смотря на то, что аристотелевское разделение сущего в действительности и сущего в возможности указывает на потенциал реализации отношений реальности/ирреальности с помощью понятийного блока необходимости/возможности, О. Есперсен отмечал, что необходимость/возможность и реальность/ирреальность представляют разные понятийные области [Jespersen 1968: 320]. По нашему мнению, упомянутая выше запускающая роль значений веры/знания заключается в том, что знак соотношения между компонентами этого блока (> или <) в ходе результирующей нисходящей категоризации смысловомодализаций в модальные значения предопределяет соответствующие отношения между компонентами блока необходимости/возможности, что устанавливает квалификацию событий на смысловом уровне как реальных/ирреальных.

Блок способности/умения как репрезентация понятийной основы динамической модальности по Э.Х. фон Райту [Von Wright 1951: 28] или корневой модальности по Ф.Р. Палмеру [Palmer 1986: 100] также оказывается под воздействием блока веры/знания – знак отношений внутри последнего определяет соотношение связей внутри первого.

Блок волеизъявления/долженствования связывается с центральным блоком необходимости/возможности на основании возможности выделения «общей необходимости» и «общей возможности» в рамках деонтической модальности [Coates 1983; Perkins 1983; Bolinger 1989]. Расположение данного блока над блоком необходимости/возможности связывается с управляющей функцией воли. Долженствование в контексте этого понятийного центра выступает как необходимое следствие волеизъявления. Значение волеизъявления также координирует динамику модального устройства. Наиболее существенной характеристикой воли является конфликт внутреннего и внешнего, поскольку воля человека постоянно соотносится с проявлением воли других людей, а также с разнообразными внешними обстоятельствами, ограничивающими внутреннее волеизъявление [Гуревич 1997: 45]. Осознание собственной воли также предполагает наличие некоторой внутренней необходимости, т.е. видения ситуации только в одном единственно возможном аспекте. Таким образом, необходимое рассматривается в двух ипостасях – необходимое как единственно возможное в интерпретации ситуации субъектом (внешнее сущее в действительности) и необходимое как единственно возможное во внутреннем мире самого субъекта (внутреннее сущее в действительности). Соответственно долженствование определяется как сильное и слабое. Ср. с возможностью перехода форм, выражающих долженствование в формы, эксплицирующие неизбежность в латинском и английском языках (см. об этом: [Bybee et al. 1994: 186–187]). Значение волеизъявления также связывается с формой будущего в древнерусском форме имперфекта *хотяши* – *коею смертию хотяши умрети* (Ин. 12: 33) – какою смертью (Он) умрет. Предпочтение имперфекта перфекту в форме модального глагола в «*Я рад, что мог (не смог – Е.И.) вам помочь*» [Булыгина, Шмелев 1997: 224] также может рассматриваться как иллюстрация влияния значения волеизъявления на блок значений необходимости/возможности.

Установление типовой квалификации каждого из значений внутри рассматриваемого блока: внутренняя/внешняя для волеизъявления и слабая/сильная для долженствования определяет направление воздействия на блок необходимости/возможности, в котором также выделяются внешняя и внутренняя ипостаси. Таким образом, рассматриваемый во многих работах по модальности параметр объективности/субъективности оказывается включённым в понятийную систему модального устройства сознания в виде выделения указанных сторон внутри центрального и координирующего блоков значений. Указанное разделение также априорно присутствует в самом понятийном содержании блоков способности/умения, веры/знания. В этой связи, однако, необходимо указать, что в настоящей работе выделение модификаций модальных значений является попыткой интегрирования двух упомянутых сторон модальности как управляющего механизма деятельности смыслопроизводства в тексте. Объективные (всеобщие, социально выработанные) компоненты смысла неотделимы от субъективного выделения набора специфически индивидуальных граней понимаемого. Указанный набор определяется характером сложного взаимодействия содержательности (содержание + смысл) текста и опыта реципиента. Окончание цепи действий по распределению смыслов текста в соответствии

с его модальной партитурой указывает на завершение процесса синтеза объективной и субъективной сторон при понимании текста. Поэтому для настоящей работы разделение модальности на объективную и субъективную с целью описания специфики понятийной основы и набора языковых средств для каждого из двух типов представляется неэффективным. Однако нами допускается возможность такого типологического разделения модальности в других возможных исследовательских целях.

Необходимо отдельно остановиться на эксплицируемой разорванности модального устройства в представляемой схеме, поскольку взаимодействие слева внезапно прекращается. В этой связи в схему вводится ещё один компонент, не образующий ни с чем двустороннего блока. Это оператор оценочности. Данный оператор накладывается на каждый из блоков модальных значений, модифицируя способ их языкового выражения. Например, в предложении «*Курить вредно*» значение долженствования дополняется оператором оценки. По мнению Е.М. Вольф, оценка определённым образом накладывается на разные типы модальности, что приводит к их различной модификации [Вольф 2006: 122].

Термин «оператор» является общепринятым компонентом терминологических парадигм различных логических систем. В терминологии реферируемой диссертации «оператор» рассматривается как компонент понятийной системы языковой модальности, который, однако, не имеет равного статуса с модальными значениями необходимости, возможности и т.п. Оператор оценки может накладываться на любое из рассмотренных модальных значений. Помимо этого, статус оператора обеспечивает детерминированное оценкой преобразование одних значений в другие, что дополнительно поддерживает систему соотносительных и односторонних связей между значениями.

Необходимо также подчеркнуть, что используемый нами термин «модальное значение» выделяет собственно языковой семантический аспект интерпретации в его независимости от закономерностей построения и вывода логических исчислений. При этом, однако, в целом сохраняется общефилософское прочтение понятий необходимость, возможность, долженствование, волеизъявление, вера, знание, способность, умение, вкупе со сходными лингвистическими и другими (психологическими) интерпретациями, построенными на исходных философских трактовках. В частности, в модель включены представления о типах модальности в философии и логике и их перевыражение в языковедческой традиции (в первую очередь, это представления об эпистемической, деонтической и динамической модальностях). Были рассмотрены связи указанных понятий с априорным лингвистическим разделением модальности на объективную и субъективную, а также представление о модальности как совокупности разного рода «отношений». Были использованы результаты исследований: [Балли 1955; Ваулина 1993; Виноградов 1975; Ермолаева 1964; Падучева 1974; Головин 1998; Гуревич 1997; Золотова 1973; Кальной, Сандулов 2003; Лекант 1986; Панфилов 1982; Плунгян 2011; Солганик 1981; Философский словарь 1980; Философский словарь Владимира Соловьева 1997; Bybee et al. 1994; Depraetere, Reed 2006; Ehrman 1966; Groefsema 1995; Haegeman 1983; Hofmann 1976; Huddleston and Pullum et al. 2002; Klinge 1993, 1995; Leech 1969; Lyons

1977, 1982; Palmer 1986; Papafragou 2000; Rescher 1968; Traugott 1989, 2001; Tregidgo 1982 и др.].

На уровне текста понятие «значение» в нашей концепции соотносится с представлением о содержании текста как совокупности контекстуально обусловленных значений (лексических и грамматических) составляющих его единиц. Уровни содержания и смысла рассматривались в работе как взаимосвязанные. Смысл определяет выбор опредмечивающей его формы, но сам акт этого выбора преломляется, инсценируется в содержании текста. Смысл может опредметиться в форме только через содержание. Поэтому содержание как определенным образом развивающаяся история, цепь событий, в представлении наивного читателя и есть то, о чём текст. Направление рефлексии на причины и мотивы, выбранного автором способа связывания, перестановки, растягивания, сжатия и т.п. событий в сюжетной материи текста также обеспечивает распределение смысла. На рис. 4 представлена схема действий автора и читателя относительно формы, содержания и смысла художественного текста.

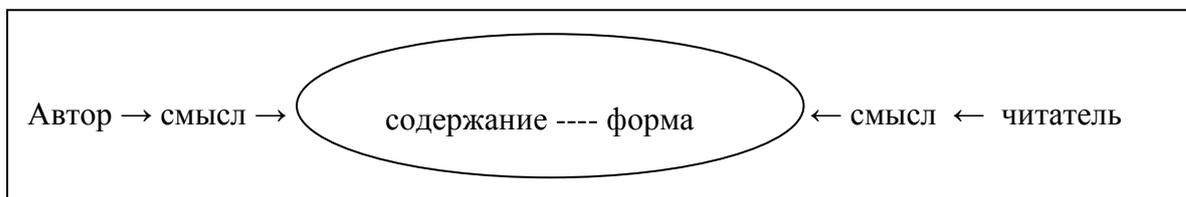

Рис. 4. Смысл автора и смысл читателя через призму содержания и формы художественного текста

Безусловно, читая текст, мы не перестраиваем форму, она неизменна. Мы воссоздаем способ её конструирования, проходя заново путь автора. «Понимать означает, следовательно, проделывать или проделывать заново лежащую в основе семантической инновации дискурсивную операцию» [Рикер 1991: 316]. В качестве такой операции мы рассматриваем опредмечивание смысла в форме как системе определённым образом взаимосвязанных средств текстопостроения при непосредственном участии содержания, которое своим переустройством, перевыражением смысла в сюжете, истории создаёт основу для его распределения в деятельности понимания текста читателем. Однако это только основа. Как указывалось выше, смысл, точнее гиперструктура смыслового стратума текста, направляет и упорядочивает рефлексии читателя над формой и содержанием. М.М. Бахтин ёмко определил текст как «действительность мысли» [Бахтин 1979: 281]. Смысл в этой связи представляется энергией этой мысли, поскольку она сама указывает способ её отыскания и развеществления, языковая материя вновь становится мыслью и может быть принята, не принята, доработана и т.д. читателем.

В настоящей работе нас, в первую очередь, интересовало соотношение содержания и смысла как основных уровней идеального в тексте с модальностью, которая рассматривается как универсальное средство, управляющее процессом взаимодействия указанных уровней. Согласно концепции, излагаемой в работе, отношения между уровнями содержания и смысла регулируются мо-

дальным механизмом. Нами были выделены четыре основные стратегии взаимодействия содержания и смысла в тексте: *стратегия установления противоположения, стратегия выявления противоречия, стратегии пресуппозирования и коррелирования.*

Взаимодействие значений и смыслов в тексте носит взаимный характер. Не только смыслы являются основой для возникновения значений. Сами смыслы оказываются опредмеченными в тексте посредством значений, так как значения обеспечивают облечение текста в материю – слова, предложения и т.д. Этот процесс опосредуется созданием содержания. Стратегия взаимодействия содержания и смысла обуславливает особенности смыслоопредмечивания, т.е. указания на смысл посредством способа объединения средств текстопостроения в комплекс. Помимо того, выбор той или иной стратегии взаимодействия содержания и смысла дает нисходящую категоризацию модальных смыслов в направлении определенных типов модальных значений. Например, было установлено, что первые две стратегии (стратегии выявления противоположения и противоречия) в качестве основного блока выделяют значения необходимости/возможности. Стратегия пресуппозирования позволяет активизировать сразу два блока модальных значений – волеизъявления/долженствования и веры/знания. Стратегия коррелирования в противоположность всем другим выделяет лишь одно модальное значение (любое из всей системы). Доминирование одного значения представляет систему в статике, а не в динамике, что позволяет говорить о стабильности такой системы, каждый элемент которой может существовать и сам по себе.

Отношения между уровнями содержания и смысла в соответствие с выделенными стратегиями имеют следующие характеристики.

1. *Стратегия установления противоположения* уровней содержания и смысла предполагает прямое отрицание выводов, сделанных на основе анализа содержательных связей, заключениями, выводимыми из процесса распредмечивания смыслов в тексте. Указанный тип организации взаимодействия содержания и смысла (без использования термина) описывался многими исследователями. Например, в анализе Островненского эпизода в «Войне и мире» у В.В. Одинцова [Одинцов 2007: 177]. Л.С. Выготский указывал на реализацию сходной стратегии в «Евгении Онегине» и в «Горе от ума» [Выготский 1986: 213–215]. Такой способ организации отношений между содержанием и смыслом был выявлен нами в ходе анализа стихотворения Р.Ф. Казаковой «Пальма первенства», полного текста повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича».

2. В ходе реализации *стратегии выявления противоречия* содержания и смысла названные уровни, находящиеся в конфликте, всё же осознаются как взаимопроникающие. Это соотношение проявляет себя в том, что при отрицании содержательных установлений выводами, сделанными на основе распредмечивания смыслов, содержательная и смысловая линии развиваются параллельно без замещения одного другим. Далее наиболее значимые части содержания после необходимого преобразования поглощаются, интегрируются блоком смыслов и возникает полноценная текстовая содержательность (содержание+смысл). В работе данная стратегия иллюстрируется примером разбора от-

ношений между уровнями содержания и смысла в 144-м сонете У. Шекспира, в тексте рассказа В.Ф. Тендрякова «Хлеб для собаки».

3. Построение модальной партитуры на основании *стратегии пресуппозирования* указывает на детерминированность блока выводимых смыслов связями внутри блока содержания. Содержание при этом предстаёт как необходимый ориентир, направляющий ход смысловых преобразований в нужное русло. В качестве примеров в работе приводятся аналитические разборы стихотворений А.А. Блока, А.А. Галича, текстовой дроби из 37 главы повести Л.Н. Толстого «Казачьи», текста третьей главы романа О. Хаксли «О дивный новый мир!», пяти полных текстов рассказов В.В. Вересаева – «Писатель», «Супруги», «Парикмахер по собачьей части», «На пожарище», «Легенда».

4. *Стратегия коррелирования* обеспечивает более тесное взаимодействие уровней содержания и смысла, ощущается *взаимное* влияние содержания и смысла друг на друга. Примерами указанного типа организации отношений содержания и смысла является стихотворение В.Я. Брюсова «Холод», отрывки из романа Х. Ли «Убить пересмешника», романа И. Шоу «Ночной портье».

Необходимо заметить, что стратегии взаимодействия уровней содержания и смысла могут комбинироваться. Так, коррелятивная стратегия может объединяться с пресуппозитивной. В качестве примеров такой комбинации были рассмотрены следующие образцы: текстовый отрывок из повести А.П. Чехова «Черный монах», отрывок из трагедии А.С. Пушкина «Каменный гость». Использование данной гибридной стратегии, на наш взгляд, оправдывается общей тенденцией преобладания динамики над статикой не только в процессе опредмечивания/распредмечивания смысла, но и во всей системе человеческой жизнедеятельности. Представляется, что иные типы объединения стратегий также возможны, что, несомненно, будет оказывать влияние на нисходящую категоризацию и восстановление динамики модального устройства сознания.

Функция консолидации смыслового стратума, которую выполняет модальность на уровне текста, определяет взаимодействие модальности с другими глобальными свойствами и категориями языковой системы – предикативностью, метафоризацией, оценкой, временем, областью представленности аффективной сферы в языке. В заключение первой главы работы рассматривается соотношение текстовой модальности с модальностью на уровне отдельных предикаций как единичных составляющих содержания текста. Содержание, формируемое значениями языковых единиц, объединяемых в цепи предикаций, выступает как базовое пространство для распредмечивания смыслов. Оно неизменно и процесс смыслораспредмечивания будет запускаться каждый раз по-новому при обращении рефлексии на одно и то же, неизменное содержание текста в его конкретном языковом выражении. Именно с уровнем содержания связывается переход от языковой системы к тексту, где модальность выступает как механизм, управляющий распредмечиванием смысла. Следовательно, содержательные характеристики текста определяют переход от языковой модальности к модальности текстовой.

Проблема взаимного перекрывания категорий модальности и предикативности, вернее, модальности предложенческой и текстовой, решается в рабо-

те путём «расклеивания» данных конструкторов, которые рассматриваются как относящиеся к разным уровням деятельности речепроизводства. Предикативность принадлежит к уровню выделения в ситуации типологических (пространственно-временных, реальностных) признаков при накладывании ментальной рамки пропозиции, что определяет построение предложения типа clause (с эксплицитно заполненными или восстанавливаемыми из контекста позициями). При этом при включении контекста, как в структуралистском, так и в когнитивном понимании, т.е. как внутреннего, так и внешнего по отношению к языку [Болдырев 2001: 28–29], возможен выход предикативности за границы предложения. В этот момент происходит связывание предложенческой предикативности в её необходимом модальном расширении и модальности текстовой. Модальность в настоящей работе, как указывалось выше, соотносится с уровнем целостного текста, в котором предикации как взаимосвязанные частицы содержания позволяют осуществить переход к распределению смыслов текста. Модальность координирует указанный переход от содержания к смыслу, организуя взаимодействие между двумя планами на основе использования различных стратегий конструирования модальной смысловой партитуры (противоположной, противоречивой, пресуппозитивной и коррелятивной). При этом общее дополняется индивидуальным, частным. Под общим понимаются правила построения и связывания предикаций (когезивные средства), а под частным – способы смыслового конфигурирования получившихся содержаний на уровне смыслов. Именно на этом уровне интересубъективность способа организации деятельности человеческого сознания проявляет себя наиболее явно и поддается лингвистическому описанию.

Роль организатора перехода от модальности предложения к модальности на уровне текста выполняет метафоризация. Метафора долгое время рассматривалась как «искажение», искривление реальности с целью создания яркого образа. Такое искажение актуализируется изначально через личностное отношение. Любая метафора изначально модальна. И только спустя много времени благодаря постоянному обращению к активизируемому сформированной метафорой смыслу он переходит в значение и закрепляется языковой системой (феномен стирания метафоры).

Помимо этого, в рамках собственно лингвистического и лексикологического направлений исследования языковой метафоры неоднократно отмечалось, что для метафоры характеризующая функция является основной. В этом случае между метафорой и предикативностью в языке выделяется онтологическая зависимость [Виноградов 1953; Кацнельсон 1965; Арутюнова 1978, 1979; Складарская 1993]. Таким образом, метафора связана не только с модальностью, но и с предикативностью. Метафора – это особое искажение реальности. Если модальность изменяет реальность в рамках самой этой реальности (ср. категория наклонения включает оппозитивную пару «реальность» – «ирреальность», т.е. та же реальность, только с отрицательным знаком), то метафора даёт качественный скачок (образование третьего содержательного плана у метафоры, когда два исходных плана «растворяются» в нём [Крюкова 2001: 56]). В этом случае инициируется переход в другую реальность, реальность, в которой

идеи уже не нуждаются в предикативно-модальном оформлении. Стремление человеческого языка к трансценденции, когда человек может рассматриваться как личность «пост-коммуникативная», по В.А. Курдюмову [Курдюмов 1999], реализуется в метафоре. Именно поэтому метафора является не просто достоянием человеческого языка, но общим способом познания мира, причем познания наиболее эффективного. Такой эффект даёт метафоризированная предикативность, когда привычная связь между предметами и их признаками разрушается самим говорящим, творящим качественно новую реальность.

В тексте, где этот процесс метафорического познания «мира в себе» через «мир вне себя» явлен именно как процесс, а не представлен в снятом, готовом виде, модальность и метафоризация меняются местами. В тексте метафоризация способствует активизации модального механизма: идёт начальное пробуждение рефлексии с помощью метафоры. Далее ход распредмечивания смыслов регламентируется модальным механизмом. Схема взаимодействия для предложения выглядит следующим образом: предикация → модализация (как конкретизация предикативного статуса) → метафоризация. В тексте же действует обратная схема: предикация (совокупность предикаций как «содержание текста») → метафоризация → модализация. Метафоризация в тексте играет роль инициатора процесса смысловедвижения, саморазвития смысла. Модальность оказывается последующим координирующим механизмом. В языке же это соотношение категоризируется в зеркальном отображении. Свойственная метафоризации «аномальность» в понимании тех, кто занимался метафорой в рамках теории референции, в художественном тексте преодолевается построением модальной партитуры распредмечивания его смыслов. Таким образом, метафора может рассматриваться как связующее звено между модальностью на уровне предложения и модальностью на уровне текста.

Во второй главе *«Градация степени консолидации смыслового стратума текста при включении комплекса оценочных и эмоционально-оценочных компонентов в модальную партитуру распредмечивания смыслов текста»* подробно рассматривается участие оценочных и эмоционально-оценочных компонентов в конструировании модальной партитуры распредмечивания смыслов художественного текста.

Как известно, эмотивные и оценочные стратегии взаимодействуют в речи (см. об этом: [Стернин 1979; Мягкова 1999, 2000; Романова 2008]). Нами было рассмотрено то, как эмоциональный компонент интегрируется в типологическую систему оценки. В частности было выяснено, что эмоциональная оценка может накладываться на оценки других типов (прагматические и телеологические, этические и эстетические оценки, оценку интенсивности признака, аксиологическую и эпистемическую оценки). Присоединение эмоциональной составляющей к оценочным компонентам смысловой структуры текста обеспечивает осознание нарастания рефлексивной трудности и, соответственно, повышает качество понимания текста реципиентом.

При этом использовалось генерализированное представление об эмоциях, без выделения их типологических особенностей. В работе эмоция рассматрива-

лась как телесный способ реагирования на внешний раздражитель в виде трудности рефлектируемого материала, возможности его непонимания. Таким телесным способом реагирования является эмоциональный отклик, т.е. определённый уровень эмоционального возбуждения. При этом нас интересовало не любое эмоциональное возбуждение, а только то, что связывается с оценкой как компонентом модальной системы и находит выражение (экспликативное или имплицативное) на уровне текста. По нашему мнению, механизм принудительной установки на «рефлексивную задержку» в смысловой структуре текста связан со способом организации взаимодействия блоков содержания и смысла в рамках модальной партитуры. Предпосылкой успешного рефлексивного действия в соответствии с указанным типом организации смыслового стратума текста будет активизация топосов опыта значащих переживаний в сходных ситуациях. Имеется в виду опыт возникновения и угасания различных эмоций (гнев, ликование, трепет и т.п.) при осознании трудности освоения некоторого смысло-содержательного комплекса и градация эмоций по шкале выраженности. Эмоции не замещают собой переживания как предусловия формирования смысла, а лишь составляют их факультативное дополнение как телесная реакция на осознание трудности понимания, усмотрение рефлексивной задержки. При этом не отрицается, что рефлексивная задержка, связанная с рефлексивными умениями конкретного реципиента, может возникнуть при понимании текста любой модальной организации. Вхождение эмоции в значащее переживание образует эмоционально-волевой оценочный комплекс, который активируется посредством направления рефлексии на взаимодействующие эмоциональные и оценочные средства в тексте.

Также было выяснено, что оценка обеспечивает влияние эмоций на конфигурирование смыслов внутри модальной партитуры текста. Создаваемая модальностью интерпретационная рамка при опредемечивании/распредмечивании смыслов текста может включать оценочные ориентиры, через которые компоненты аффективной сферы находят непосредственный доступ к процессам смыслопроизводства в тексте. Так, ядерные смыслы-модализации и подчинённые им смыслы могут связываться между собой оценочными ориентирами. При этом каждый такой ориентир может дополнительно модифицироваться эмоциональной составляющей. Последнее, в свою очередь, является предусловием формирования определенного типа модальной партитуры распредмечивания смыслов текста – *аффективно окрашенной модальной партитуры*.

Таким образом, оценка обеспечивает включение эмоций в связывание смыслов текста, а также процессуальную динамичность результирующей категоризации модальных значений (см. рис. 5). При этом модальная партитура из линейного образования превращается в круг (темной заливкой обозначены начальный и конечный кластеры последовательности). Это происходит под влиянием эмоциональной оценки – все средства текстопостроения получают сходную тональность, единое смысловое «звучание».

Помимо этого, процесс консолидации смыслового стратума текста оказывается градуированным: сила консолидации возрастает в результате воздействия оценки на смысловые блоки и нисходящую категоризацию узловых мо-

дальних смыслов этих блоков. Интенсивность рефлексивного действовани­я может дополнительно усиливаться при связывании оценочных ориентиров и аффективных компонентов в результате использования интендирующих тексто­вых средств выражения эмоций в связи с опредмечиванием указанных оценоч­ных доминант (см. рис. 6).

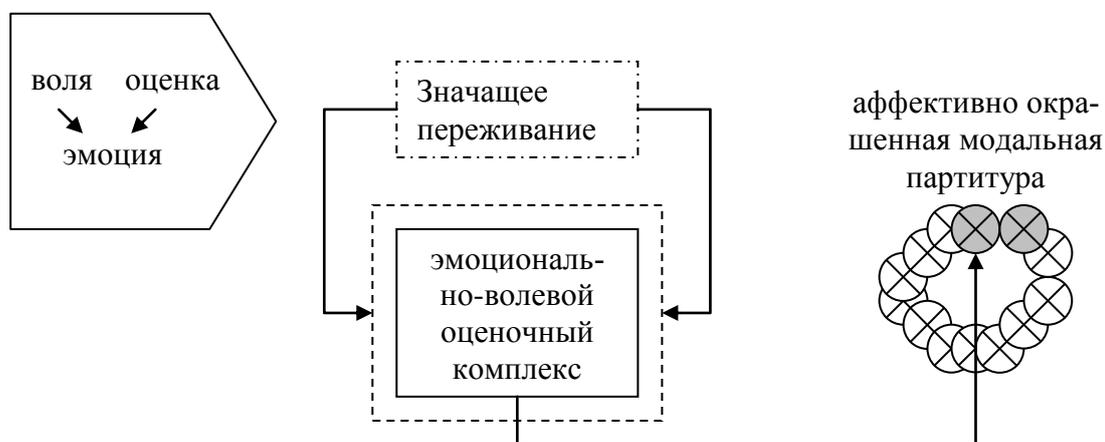

Рис. 5. Формирование аффективно окрашенной модальной партитуры

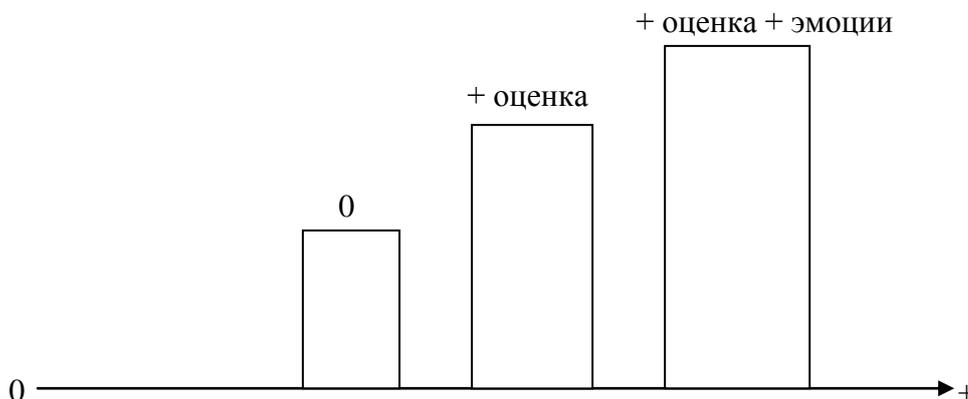

Рис. 6. Влияние оценки и эмоциональной экспрессии на интенсивность рефлексии

Следующий отрывок из повести А.И. Куприна «Поединок» является примером использования средств презентации эмоциональной оценки в тексте:

«– Господа... пожалуйста... Ха-ха-ха! В М-ском полку был случай. Подпрапорщик Краузе в Благородном собрании сделал скандал. Тогда буфетчик схватил его за погон и почти оторвал. Тогда Краузе вынул револьвер – рраз ему в голову! На месте! Тут ему ещё какой-то адвокатишка подвернулся, он и его бах! Ну, понятно, все разбежались. А тогда Краузе спокойно пошел себе в лагерь, на переднюю линейку к знамени. Часовой окрикнувает: «Кто идёт?» – «Подпрапорщик Краузе, умереть под знаменем!» Лёг и прострелил себе руку. Потом суд его оправдал.

– Молодчина! – сказал Бек-Агамалов» (А.И. Куприн «Поединок»).

Данная текстовая дробь представляется законченной, так как содержит описание события, вызвавшего эмоциональный отклик как у рассказчика, так и у слушателя. Что касается, языковой организации отрывка, то она весьма показательна. Использование эллиптических предложений, прямой речи, настоящего исторического, повтор (многократно повторяется наречие *тогда* в параллельных конструкциях с прошедшим временем); паузы, лексемы с оценочным значением (*молодчина, адвокатшишка*), наконец, восклицательная интонация. Совокупность этих средств свидетельствует о возбужденном эмоциональном состоянии рассказчика, о том, что тема чрезвычайно актуальна для собравшихся офицеров и что степень эмоционального накала разговора высока. Повторы сочетаются со стаккатоподобным синтаксисом: предложения короткие, связаны асиндетически, эллиптизированы, преобладает восклицательность. Эмоциональность подкрепляется оценкой, связанной с волеизъявлением – реплика реакция Бека свидетельствует о максимально высокой положительной оценке действий подпоручика Краузе (не просто молодец, а «молодчина»), и, следовательно, готовность поступить так же.

Однако полнота понимания смыслов приведённого отрывка зависит не столько от осознания вышеуказанных фактов и особенностей восприятия описываемой ситуации персонажами на основе анализа средств выражения эмоциональной экспрессии, сколько от способности читателя вычленив оценку события с точки зрения героев и авторское видение проблемы, что невозможно без обращения к опыту, т.е. без соотнесения содержания осваиваемой ситуации с собственными убеждениями.

И говорящий (Лбов), и его собеседник – люди одного круга, примерно одного возраста. Они разделяют расхожее среди офицеров мнение о том, что отнять жизнь у человека возможно и даже совершенно необходимо во многих случаях. Ситуация мнимого оскорбления не являлась в этом плане исключением. Такое отношение к своей персоне, одержимость идеей защиты своей офицерской чести было нормой для молодых людей, которые жаждали «дела» – самоутверждения и славы. Следовательно, в модели распределения смыслов данного отрывка на первый план выходит смысл-модализация «долг постоять за свою честь». Данный смысл-модализация управляет вытеснением первичного эмоционально-оценочного смысла «ценности своей и чужой жизни», связанного с первичным осознанием собственного бытия в мире через идентификацию своей схожести с другими также живущими «здесь и сейчас» людьми. На уровне языковых средств наибольшее выражение получает топос «честь». Начиная с обращения «Господа!», речь Лбова насыщена ссылками на статус (*благородное собрание, подпрапорщик, лагерь, часовой, знамя*). При этом реализуется противопоставление внутреннего избранного круга и остальных «простых смертных» (*буфетчик, адвокатшишка, все разбежались*). Именование человека по профессии (и даже с морфологическим показателем уничижения) указывает на картину мира говорящего, для которого человек ценен не сам по себе, а только вместе с его рангом, происхождением. Что касается фразы «все разбежались», то здесь напрашивается аналогия с тараканами или мышами, разбегающимися при виде опасности. Представители «внутреннего круга»

(офицеры) совсем из другого теста, они не убегут и не стерпят, любое посягательство на их жизненное пространство получит решительный отпор.

Вытеснение знания о принятых в данном круге общества нормах поведения сопровождается обращением рефлексии на комплекс средств, опредмечивающих смысл «ценность жизни любого человека». С этим комплексом связано окончание абзаца – реплики рассказчика и реплика-реакция Бека. Упоминается, что Краузе «спокойно» пошел в лагерь, только что совершив двойное убийство. Далее идёт использование прямой речи в настоящем времени, что маркирует кульминацию, высшую степень эмоциональной экспрессии. Это показательно, поскольку главная мысль, которую подчёркивает автор через речь своего персонажа, состоит в безнаказанности такого поступка. Это особенно веселит Лбова. Прослеживается некоторая театральность происходящего, так как Краузе лёг под знаменем, чтобы прострелить себе только руку, а не совершить от обиды и отчаяния самоубийство, тем самым, оправдав себя перед людским судом. Реакция Бека – со знаком «+», трансформируется в понимании авторской позиции в знак «-», однословная реплика выглядит как безапелляционная оценка, как со стороны персонажа, так и со стороны писателя.

Построение модальной партитуры распределения смыслов в авторском тексте обеспечивает выход за пределы только понимания, поскольку выводимые из текста смыслы становятся достоянием не только автора, но и реципиента, которому предоставляется право сформировать собственную оценку события и всей описанной ситуации его обсуждения героями. Отношение определённого рода возникает вследствие правильной интерпретации выбора интендирующих текстовых средств, в которых существуют смыслы в момент их освоения читателем. Эмоциональность реплик Лбова и Бека указывает на эмоционально-волевою продуктивную составляющую смыслового блока и позволяет судить об оценке события как с точки зрения персонажей, так и с позиции автора.

Опредмечивание эмоциональной оценки как компонента эмоционально-волевого оценочного комплекса помимо активизации опыта соответствующих значащих переживаний трудностей понимания в сходных рефлексивных ситуациях организует взаимодействие узловых смыслов-модализаций, которые оказываются связанными между собой оценочными ориентирами. Так, смысл «ценность человеческой жизни» имеет положительный оценочный ориентир в поле сознания автора и отрицательный для персонажа (Бека), смысл «долг постоять за свою честь» имеет для автора отрицательный оценочный ориентир, тогда как для персонажа этот знак прямо противоположен. Формируемая модальная партитура распределения смыслов текста имеет в своей основе противоположную стратегию организации взаимодействия между уровнями содержания и смысла. В ней содержится принудительная установка на «рефлексивную задержку». Последнее утверждение подкрепляется не только тем, что текст эмоционален, но и тем, что опровержение содержательных выводов выводами смысловыми представляет особенную трудность. Важно подчеркнуть, что оценка на уровне содержания превращается в оценку на смысловом уровне, только с противоположным знаком.

При нисходящей категоризации смыслов-модализаций происходит трансформация значения волеизъявления (внутреннего и внешнего) в значение долженствования, что устанавливает этическую квалификацию оценки, входящей в эмоционально-волевой оценочный комплекс.

Типологическая вариативность оценки имеет значение для обеспечения более высокой степени смысловой связности художественного текста, так как взаимодействие оценок различных типов в тексте дополнительно связывает смыслы внутри смыслового стратума. При этом тип оценки определяется окончательно на уровне категоризации модальных значений, когда оператора оценочности связывается с определенным компонентом модального устройства. Обусловленность результирующей квалификации типа оценки воздействием оценочного оператора на определенные модальные значения при восстановлении динамики модального устройства сознания представлена (см. табл. 1):

Таблица 1. Зависимость типа оценки от взаимодействия оценочного оператора с конкретной областью модального устройства сознания

<i>Модальные значения</i>	<i>Тип оценки</i>
долженствование; вера/знание →способность/умение	этическая оценка (и эстетическая оценка)
волеизъявление (внешнее и внутреннее)	аксиологическая оценка (возможна дополнительная модификация с помощью оценки интенсивности)
внутреннее волеизъявление←способность/умение	прагматическая оценка (возможна дополнительная модификация с помощью оценки интенсивности)
вера/знание →необходимость/возможность	эпистемическая оценка

В третьей главе «*Субстанциональная рамка для построения модальной партитуры распрямления смыслов текста: система временных координат и дейктическая организация текста*» детализируется связь функционирования модальности в языке и тексте с закономерностями выражения и изменения временных и аспектуальных значений.

Многочисленные факты из различных языков указывают, что процесс фиксации и изменения временных значений координируется модальностью, вернее тем, какую функцию модальность выполняет в тексте. Модальность как механизм смысловой консолидации обеспечивает преобладание режима непрерывности над режимом дискретности при организации системы временных координат в художественном тексте. В языковой системе отражением указанной тенденции является взаимодействие временных, аспектуальных и модальных значений с целью репрезентации единства времени (нераздельности настоящего, прошедшего и будущего) – в системе модальных глаголов, образовавшихся из группы претерито-презентных глаголов, в форме перфекта настоящего времени, при использовании настоящего исторического, формы прошедшего времени в значении настоящего и т.п. Такое переосмысление значений временных

форм свидетельствует о необходимости представить сообщение в субъективной интерпретации, выразить собственное отношение к содержанию высказывания. Так, в случае использования настоящего исторического говорящий указывает на свое желание выделить описываемый блок ситуаций из всей прошлой действительности, подчёркивает значимость информации для организации сообщения. В этом случае на модификацию значения формы влияет модальное значение волеизъявления вкупе с оценочным оператором (оценка интенсивности признака). Для выражения предвосхищения будущих событий часто используется форма прошедшего времени (*Мы погибли*) – происходит эмоциональное оценивание неизбежности лишь одного варианта развития ситуации в будущем с точки зрения субъекта речи (необходимость > возможность + эмоциональная оценка). Таким образом, в высказывании имеются ориентиры, благодаря которым процесс понимания будет направлен согласно указаниям говорящего. Тем самым модальность оказывает влияние на функционирование временных форм.

На примере переосмысления значений временных форм можно проследить становление связей внутри модального устройства сознания (такими примерами может быть выражение «эпистемической дистанции» в формах прошедшего времени, развитие форм будущего из форм долженствования, выражение модальных и оценочных значений в формах проспектива и футурумного презенса и т.п.) (см. об этом: [Плунгян 2011: 352, 362; Bybee et al. 1994: 238, 240; Palmer 1986: 218]).

Огромное влияние на взаимодействие модальных и временных значений оказывает аспект. Субъективность (в плане выделения позиции субъекта в качестве определяющего фактора в выборе способа выражения), следующая из семантики аспектуальных форм подразумевает связь с модальностью. При этом наличие оператора оценочности в модальном устройстве создает условия для такого влияния. Аспектуальные значения накладываются на временные через оценку (в качестве примеров можно упомянуть статус перфекта как модальной формы, образование формы проспектива, генетического и итеративного хаби-туалиса, соотношение перфектных и имперфектных форм как основа для разделения сюжетного и несюжетного времени в тексте [Виноградов 1980: 228–229]). Эпистемическая оценка всегда связана с установлением знака отношения внутри блока веры/знания и соответственно необходимости/возможности, что в итоге даёт квалификацию события относительно его реальности/ирреальности.

Взаимодействие временных, аспектуальных и модальных значений сшивает всю языковую ткань времени – границы между настоящим, прошедшим и будущим в языке размыты.

Взаимодействие аспектуальных, временных и модальных значений в работе также рассматривается как самостоятельное средство текстопостроения, используемое преимущественно для опредмечивания смыслов-модализаций. Таким образом, событийно-таксисная организация, как основа плана содержания, может изучаться при учете её способности опредмечивать смысл.

Далее приводится таблица, представляющая выявленные особенности взаимодействия временных, аспектуальных и модальных значений (см. табл. 2).

Таблица 2. Взаимодействие модальных значений с временными и аспектуальными значениями

<i>Формы времени</i>	<i>Временные и аспектуальные значения</i>	<i>Модальные значения</i>
<i>настоящее</i>		
генетический хабитуалис	настоящее + многократность	необходимость/возможность ←вера/знание
перфект	настоящее + прошедшее + результативность (завершенность)	необходимость/возможность ←вера/знание, способность/умение
имперфект	настоящее + безрезультативность (незавершенность)	способность/умение, волеизъявление
<i>прошедшее</i>		
простая форма	прошедшее + завершенность /незавершенность	необходимость/возможность ←вера/знание, волеизъявление
плюсквамперфект	прошедшее + предшествование	волеизъявление
итеративный хабитуалис	прошедшее + многократность	необходимость/возможность ←вера/знание
<i>будущее</i>		
проспектив	будущее + безрезультативность	волеизъявление
футурумный презенс	будущее + безрезультативность	необходимость/возможность ←вера/знание
генетический хабитуалис	будущее + многократность	необходимость/возможность ←вера/знание

Создаваемая в тексте система временных координат и его дейктическая организация выступают как составляющие субстанциональной рамки – основы для построения модальной партитуры распределения смыслов текста. Следующий отрывок из трагедии А.С. Пушкина «Каменный гость» иллюстрирует возможности опредмечивания смыслов-модализаций с помощью взаимодействия модальных и аспектуально-временных значений:

- 1 *Всё к лучшему: нечаянно убив*
- 2 *Дон Карлоса, отшельником смиренным*
- 3 *Я скрылся здесь – и вижу каждый день*
- 4 *Мою прелестную вдову, и ею –*
- 5 *Мне кажется, замечен. До сих пор*
- 6 *Чинились мы друг с другом; но сегодня*
- 7 *Впущуся в разговоры с ней; пора.*
- 8 *С чего начну? «Осмелюсь» ... или нет:*
- 9 *«Сеньора» ... ба! Что в голову придет,*
- 10 *То и скажу, без предуготовленья,*
- 11 *Импровизатором любовной песни ...*
- 12 *Пора б уж ей приехать. Без неё –*
- 13 *Я думаю – скучает командор.*

- 14 *Каким он здесь представлен исполином!*
15 *Какие плечи! Что за геркулес! ...*
16 *А сам покойник мал был и тщедушен,*
17 *Здесь, став на цыпочки, не мог бы руку*
18 *До своего он носу дотянуть.*
19 *Когда за Эскурьялом мы сошлись,*
20 *Наткнулся мне на шпагу он и замер,*
21 *Как на булавке стрекоза – а был*
22 *Он горд и смел – и дух имел суровый ...*
23 *А! вот она* (А.С. Пушкин «Каменный гость»).

Рассматриваемая строфа сцены включает в себе краткий пересказ известных и неизвестных читателю событий. Так, в предыдущей сцене герой убил Дона Карлоса, брата командора. Он решает скрыться в монастыре, где посещает могилу мужа Донна Анна. Чувство любви к ней уже успело развиваться, также как и чувство ревности к командору. Непосредственно в данном монологе на это указывает часть, где Дон Гуан насмехается над своим соперником, который «мал был и тщедушен», и умер как «стрекоза», а не как суровый исполин, которым представляет его надгробный памятник.

Непосредственному анализу мы подвергнем только соотношение аспектуально-временных и модальных значений. Указанное взаимодействие выступает в качестве самостоятельного средства опредмечивания смысла, свернутого в рамках рассматриваемой части модальной партитуры. Поскольку взаимодействие значений относится к уровню содержания, то формируемый тип модальной партитуры может быть определён в рамках стратегий пресуппозирования и коррелирования, которые взаимодействуют в данном текстовом отрывке.

Хронологически самым ранним событием плана содержания является дуэль с командором (строки 19–22). Как говорилось выше, рассказывая читателю о дуэли, Дон Гуан высмеивает своего противника. Используемые формы прошедшего времени представляют Дона Гуана с его едкой иронией таким, каким он был до своей любви к Донне Анне. С тем же описанием дуэли связаны строки 16–18. В 16-й строке Дон Гуан обращается к личности командора, стараясь убедить читателей и себя в том, что Дон Гуан был недостойн любви и почестей, которые его жена продолжает оказывать ему и после смерти. Показательно, что в 16-й и 22-й строках используется имперфект, который отграничивает данный содержательный блок. Рамочный повтор имперфектной формы имеет и смысловую нагрузку: Дон Гуан так и не убедил себя в том, в чем хотел. Ср.: «*мал был и тщедушен*» – «*а был он горд и смел*». Одновременно герой не может понять, чем он хуже своего соперника, он тоже горд и смел, о чем говорит вся его предшествующая жизнь. Существенным моментом является также «втягивание» в имперфектную рамку формы сослагательного наклонения: «*Здесь, став на цыпочки, не мог бы...*». Предложение включает в себе предположение, относящееся не только к прошлому, но и к неопределённому настоящему. Благодаря использованию дейктика «здесь» настоящее становится вполне конкретным. Образ командора оживает через связь значений настоящего и прошедшего в этом содержательном блоке. Мёртвый командор является реальным соперни-

ком живого Гуана. Таким образом, содержание влияет на распредмечивание смысла (пресуппозитивная стратегия).

Значение настоящего представлено и в строках 12–15, где с помощью настоящего изобразительного, безглагольных эллиптических восклицательных предложений описывается статуя и сообщается, что командор «скучает» по своей жене. Использование гипотетического «я думаю» указывает на уверенность. Это случай, когда смысловой план однозначно определяет соотношение в категоризируемом блоке значений необходимости/возможности и мысль, высказываемая Доном Гуаном, звучит категорично. Для героя командор – живое действующее лицо, способное покарать обидчика. Взаимодействие временных планов строк 12–15 и 16–22 указывает на желание Дона Гуана поверить в обратное: в то, что командор ни тогда, ни, тем более, теперь в своем фальшивом облике не сможет его наказать.

Строки 1–11 представляют взаимодействие различных аспектуально-временных значений, расстановка которых соответствует ходу размышлений героя, который связывает события прошлого (*убив, скрылся*) через настоящее (*вижу, замечен*) с будущим (*впускаю, начну, осмелюсь, придет, скажу*). Естественное движение времени не нарушается. Все три временных плана оказываются слитыми в единое целое и данными одновременно, но в то же время дискретно с наибольшим акцентом на будущее. Опредмечиваемый взаимодействием аспектуально-временных значений смысл «желание счастья» в свою очередь организует взаимодействие временных форм в остальных строках строфы. Таким образом, взаимодействие уровней содержания и смысла носит взаимный характер (коррелятивная стратегия). Герой ищет возможные преграды на пути к счастью в прошлом и настоящем. Содержательно это выражается в обращении к личности командора. Дон Гуан пытается убедить себя в том, что командор теперь не является помехой, ведь в прошлом герой уже его низверг. Но само прошлое опровергает его доводы. В этой части на уровне содержания имеет место взаимодействие временных и модальных значений. Так, связь между прошлым и актуальным настоящим дополнительно высвечивается в гипотетическом шутовском предположении («*Здесь, став на цыпочки, не мог бы...*»), также как и в наделении мертвого командора чувствами («*я думаю ... скучает*»). Последнее также оформляется в виде предположения. Взаимодействием модальных и временных значений опредмечивает смысл-модализацию «неотвратимость расплаты».

Важно также, что имперфектные прошедшие формы (*был, чинились, имел*) выступают в нетипичной для них роли указателей предшествования. Так, командор был мал и щеделушен до того, как Дон Гуан убил его, и он превратился в памятник – высокий, мужественный, значительный; покойный имел суровый дух пока, снова, не умер (замер), пронзенный шпагой, а Гуан и Анна «чинились» – соблюдали приличия до тех пор, пока усилия героя не были «замечены». Такое изменение значений форм возможно благодаря организующей силе модальной партитуры текста, которая задействует временной каркас текста в качестве основы для адекватного распредмечивания смыслов.

Время в художественном тексте интегрировано в общую дейктическую организацию текста. Под дейктической организацией текста понимается соотношение дейктических координатных центров. Это соотношение также оказывает влияние на модальную структуру смыслового стратума текста. Модальная партитура распределения смыслов текста может строиться на основе преобладания дейктической «игры» нескольких координатных центров в повествовании (в работе такая игра иллюстрируется анализом 3 главы романа О. Хаксли «О дивный новый мир»). Мена дейктических планов в тексте может использоваться для актуализации взаимодействия узловых смыслов-модализаций в рамках развертывания модальной партитуры текста. Дейктические компоненты модальной партитуры служат формированию такого смыслового каркаса, который обеспечил бы сходство интерпретаций при распределении смысла.

Построение системы временных координат как компонента дейктической организации текста рассматривается как средство упорядочивания отношений внутри плана содержания с необходимым перевыражением установленных корреляций на уровне смысла. Следовательно, временные и дейктические компоненты имеют статус субстанциональных оснований процесса опредмечивания/распределения смысла при учете координирующего статуса модальной партитуры текста. Таким образом, формирование системы временных координат и всей дейктической организации текста выполняет функцию *субстанциональной рамки*, основания для построения модальной партитуры распределения смыслов художественного текста и консолидации всего смыслового стратума такого текста.

Четвертая глава диссертации «*Выход на уровень метасмыслов и идей в рамках развертывания модальной партитуры текста*» включает в себя дополнительное обоснование роли модальности в художественном тексте и любом тексте, где есть не только содержание, но и смысл. Модальный механизм консолидации всего смыслового стратума текста обуславливает выделение особых параметров «текстовости». При разработке системы указанных параметров учитывалось то, что в развиваемой нами концепции модальности приоритет в обеспечении единства формы и содержания текста закрепляется за смыслом, а именно за модальной смысловой партитурой, обеспечивающей интенсивное и продуктивное освоение читателем свернутых в тексте единичных смыслов. В целом, текст рассматривается в работе как модально регламентируемое пространство бытия смысла.

В качестве параметров текстовости, в модальном аспекте интерпретации этого понятия, выделяются следующие.

1. *Рефлексивный потенциал текста*. Этот параметр указывает на возможность соотнесения рефлексивной реальности создающего и воспринимающего текст субъектов. Речь идёт об общности рефлексивных установок автора и читателя при распределении смыслов, свёрнутых с помощью интендирующих текстовых средств. В данной характеристике текста учитывается динамический аспект возникновения и существования смысла в тексте. В ходе направления рефлексии на текст происходит связывание человеческих сознаний. Ос-

новой для такой связи является модальная партитурная организация средств текстопостроения, опредмечивающих смыслы. То, что автор *хочет*, чтобы читатель понял, соотносится определенным образом с тем, что последний *может* (способен) понять. Мерой взаимодействия указанных условий выступает модальность в тексте как механизм управления процессом смысловдвижения, саморазвития смысла.

2. *Стратегии взаимодействия уровней содержания и смысла.* Заданная стратегия взаимодействия уровней содержания и смысла (противоположная, противоречивая, пресуппозитивная, коррелятивная) предопределяет закономерности опредмечивания смыслов-модализаций в средствах текстопостроения. Содержание при этом теряет собственную ценность без связи с опредмечиваемым в содержательных связях смыслом. Однако в конфигурации содержание-смысл первый элемент имеет не менее важное значение, так как смыслы опредмечиваются в средствах текстопостроения в связи с описанием конкретных ситуаций. Субстанциональную рамку для развертывания этих связей составляет взаимодействие аспектуально-временных и модальных значений, а также установление отношений между разными дейктическими планами в тексте.

3. *Обращение к содержанию рефлексивной реальности адресата.* На первый план выходит ценностная природа текста в виде использования взаимодействия различных типов оценки как средства обеспечения связности текста не столько на уровне содержания, сколько на уровне смысла. Это означает, что при продукции в тексте опредмечивается представление автора о ценностных ориентирах возможного или непосредственного реципиента, его интересах, необходимых фоновых знаниях и т.п., что обеспечивает эффективный диалог, верную интерпретацию намерений и получение желаемых эффектов в общении.

4. *Соотношение семантической инструкции и субъективной направляющей.* Семантическая инструкция закладывается отдельными средствами текстопостроения, опредмечивающими смысл, тогда как субъективная направляющая выражается в структурной организации партитуры этих средств с целью последующего адекватного восстановления смысла, его понимания. Таким образом, связь устанавливается не между отдельными смыслами и средствами, а между партитурно организованными смыслами и соответствующей партитурой средств.

5. *Адекватность распределения смыслов текста.* Смысловые цепи, опредмеченные в комплексах текстообразующих средств, могут перестраиваться в процессе понимания текста слушающим/читающим. Адекватность, т.е. некоторое единообразие всех возможных интерпретаций, обеспечивается действием в рамках мотивационного алгоритма – модальной партитуры распределения смыслов текста.

6. *Взаимодействие смыслов внутри кластера: внутрикластерные связи.* В данном случае имеется в виду структурная устойчивость текста, которая достигается благодаря сознательной сжатости создаваемой модальной партитуры. В нее включаются только основные направляющие смыслы-модализации. Их «обрастание» зависимыми смысловыми компонентами происходит непосред-

ственно в процессе понимания текста реципиентом. Это означает, что при создании текста устанавливаются необходимые «мостики», соединяющие узловой элемент – смысл-модализацию – с пассивными модальными смыслами, входящими потенциально в тот же узел.

7. *Переход на второй уровень организации смыслового стратума текста: межкластерные связи в модальной партитуре.* Связываются не только частные подчинённые смыслы внутри кластеров. Определенное соотношение устанавливается и между узловыми смыслами-модализациями, что обеспечивает переход на более высокий уровень структурной организации смыслового стратума текста – уровень метасмыслов и идей как смысловых интервалов.

Особенности реализации первых пяти параметров были подробно описаны в трёх первых главах диссертации. В четвёртой главе рассматриваются последние два из выделенных параметров как не получившие достаточного освещения в предыдущей части работы.

Внутрикластерное взаимодействие смыслов обеспечивается влиянием узлового смысла-модализации на подчинённые ему смыслы, между которыми устанавливаются отношения различных типов. Были описаны пять основных типов таких отношений – *выделение, стягивание, взаимное пересечение, расширение и взаимная каузация*. Указанная связь может быть выявлена посредством анализа отношений между комплексами средств, опредмечивающих взаимодействующие смыслы в тексте. Связывание смысла-модализации с подчинёнными ему смыслами происходит через высвечивание определенных граней этих смыслов как сторон осваиваемой содержательности, наиболее значимых для данной герменевтической ситуации.

Анализ пяти упомянутых выше полных текстов рассказов В.В. Вересаева, в которых взаимодействие между уровнями содержания и смысла сходным образом организовано (по типу пресуппозитивной стратегии) в единственном кластере модальной партитуры (тексты небольшого объема), позволил сделать следующие выводы о сущности рассматриваемых видов отношений.

1. При установлении отношения *выделения* из всех граней каждого подчинённого смысла выделяется та, которая наиболее полно отражает взаимодействие подчинённого смысла и смысла-модализации. Каждый подчинённый смысл особым образом модифицируется под воздействием смысла-модализации.

2. Отношение *стягивания* обеспечивает выделение сходных граней у подчинённых смыслов под воздействием координирующего их распределмечивание смысла-модализации. В результате высвечиваемые грани объединяют, «стягивают» подчинённые смыслы.

3. *Взаимное пересечение* подчинённых смыслов также основывается на выделении у них сходных граней, но при этом смыслы оказываются противопоставленными. Подчинённые смыслы чередуются – рефлексия направляется попеременно к каждому из них. Через взаимную смену смыслы выступают как равноправные.

4. Отношение *расширения* предполагает последовательное выведение каждого подчинённого смысла кластера, на который обращается рефлексия, на

более высокий уровень абстракции, и переход от индивидуальной значимости для персоналий автора, героев, читателя к глобальной ценности вычленяемой понятийной области. Средства текстопостроения, опредмечивающие каждый из подчинённых смыслов блока, повторяют такой переход (в тексте-примере – от лексической антитезы, через композицию к развёрнутой метафоре).

5. Отношение *взаимной каузации* предполагает взаимную мотивированность и определённое сходство (например, использование различных видов повторов) опредмечивающих смыслов средств текстопостроения. При этом смысломодализация не только обуславливает распределение подчинённых ему смысловых единиц, но и испытывает на себе их ответное влияние.

Предполагается, что в ходе дальнейшего исследования набор возможных отношений между подчинёнными смыслами может быть дополнен. Выстраивание подобных «мостиков» при понимании текста способствует реализации объединительной функции модальности на микроуровне – уровне частных смыслов, объединяемых в кластеры модальной партитуры.

Модальная партитура распределения смыслов в художественных текстах также способна осуществить переход на макроуровень – уровень взаимодействия целых кластеров такой партитуры. Указанный уровень является результатом консолидации первого уровня в ходе наращивания, растягивания и конфигурирования смыслов. Макроуровень организации смыслового стратума текста обеспечивает выход на II уровень организации смысловой структуры текста, т.е. формирование метасмыслов как результатов восходящего движения категоризации и/или идей как смысловых интервалов, образуемых противопоставлением нескольких смысловых линий равноправного статуса (см. табл. 3). Вместе метасмыслы и смысловые интервалы обеспечивают презентацию общей художественной идеи произведения. Помимо того, метасмыслы и смысловые интервалы связаны с общим ментальным банком наиболее значимых смыслов некоторого культурно-языкового сообщества. Восстановление смысловых связей художественного текста играет важную роль и в приобщении к культурному богатству метасмыслов, присутствующих в жизнедеятельности каждой нации.

Таблица 3. Соотношение содержания и смысла в уровневой структуре модальной партитуры

		Содержание → Смысл	Смысл ↔ Смысл	
I уровень организа- ции смысловой структуры текста	Микроуровень: взаимодействие внутри кластеров модальной партитуры	+	→	Выход на II уровень организации смысловой структуры текста
	Макроуровень: взаимодействие между кластерами модальной партитуры	–	+	

В качестве материала анализа связей, возникающих между кластерами модальной партитуры на втором уровне консолидации, использовался текст повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Выбор обусловлен высоким художественным потенциалом произведения, а также возможностью его рассмотрения как случая опредмечивания в тексте смыслов, к которым наиболее часто обращается не только Толстой, но и другие великие русские писатели – носители и выразители духа русской нации. При этом в указанном тексте культурно значимые смысловые конфигурации представлены в наиболее ясной организации, так как их выявление возможно на основе анализа наиболее простых средств текстопостроения.

Данный текст, несмотря на отсутствие различных «украшений», является примером взаимодействия наиболее важных для автора, русской культуры и всего человечества смыслов. Эти смыслы, действительно, опредмечены в определённом наборе средств, которые могут быть, в целом, охарактеризованы как «простые», несколько однообразные. В основном, это повторы различных типов. Повторы, вернее, их взаимная конфигурация, обеспечивает презентацию основных взаимодействующих смыслов в рамках модальной партитуры текста. Такие «смысловые» повторы обеспечивают не столько тематическое (содержательное), сколько идейное (смысловое) единство текста. Иными словами, повторы различных тем и мотивов объединяются вокруг смысловых центров, которые находятся во взаимодействии друг с другом. Такими центрами являются кластеры модальной партитуры, которые организуют распределение основных смыслов-модализаций и некоторого набора подчинённых им частных смыслов. Помимо того, взаимодействие кластеров, вернее, их узловых смыслов-модализаций друг с другом через наращивание, растягивание и конфигурирование этих частных смыслов и самих смыслов-модализаций обеспечивает переход на более высокий уровень смысловой организации и консолидацию всего смыслового стратума текста. В работе был проведён подробный анализ повторов (их видов и тематической отнесенности) в связи с опредмечиванием смыслов в их конфигурациях.

Естественно, что наиболее часто повторяется тема смерти, заявленная уже в названии повести. Однако интересен не сам повтор этого мотива, а его взаимодействие с темой жизни. Автор, таким образом, строит модель взаимоотношения понятийных областей жизни и смерти, которые на втором уровне смысловой организации текста будут выступать как метасмыслы. В целом, в тексте используется противоположная стратегия организации смысловой структуры текста, согласно которой выводы, формируемые на основе анализа содержательных связей, противоположны устанавливаемым смысловым отношениям. Так, большую часть текста составляет описание физических страданий Ивана Ильича, который медленно умирает от болезни, которую врачи даже не в состоянии чётко определить. Ощущение тревоги, нависшей угрозы, неизвестности пронизывают всё повествование и актуализируются с помощью текстовых средств. Само название – присутствие в нём слова *смерть* – указывает на трагедийность событий, которые писатель собирается описывать. Подтвержда-

ет это и дальнейшее изложение всех ужасов терзающей и ведущей к смерти главного героя болезни. Но концовка повести переворачивает ожидания читателей. Это не смерть как освобождение от страданий материального мира (как в восточной философии), а смерть и страдания для того, чтобы понять истинную суть жизни, как утверждение небесцельности бытия. Этот смысл также относится к обширному полю русской культуры и опредмечивается в работах многих русских писателей.

Объединяясь в ходе наращивания-растягивания-конфигурирования, линии модализации формируют вывод на уровне метасмысловой организации текста о том, что неправильная фальшивая жизнь влечёт за собой смерть, смерть духа, а не только тела. Взаимодействие кластеров модальной партитуры текста можно охарактеризовать с нескольких позиций. Во-первых, происходит растягивание и наращивание в конфигурируемых блоках двух основных смыслов-модализаций: «следовании норме» и «отделение себя от других». Эти смыслы оказываются то сближаемыми, интегрируемыми, то противопоставляемыми, дезинтегрируемыми. В результате противоположной (антиподной) трансформации второго из этих смыслов тенденция объединения побеждает. Однако противопоставление на этом не заканчивается. Создаётся ещё один финальный кластер, в котором указанные смысловые конфигурации выступают в новом свете. В результате, на втором итоговом уровне организации смысловой структуры текста устанавливается метасмысловый интервал, где противопоставляемыми комплексами будут, с одной стороны, фальшивая жизнь, рождающая неизбежность смерти, не только физической, но и духовной, и настоящая жизнь, предопределяющая победу над смертью. Выбор предоставляется читателю. Оба смысловых комплекса опредмечиваются почти одновременно: хотя метасмысловый комплекс «настоящей жизни» в основном объёме повести представлен лишь в потенции, навязчивое повторение атрибутивов *«правильный»*, *«приличный»*, *«приятный»*, *«легкий»* формируют необходимость отвержения описываемой нормы жизни и установления иного порядка. Несмотря на ясность указываемого автором отношения внутри данного метасмыслового интервала благодаря изменению ориентиров представляемой аксиологической оценки, в тексте нет непосредственных указаний на необходимый приоритет одного из комплексов. В конце говорится об исчезновении смерти: *«Кончена смерть, – сказал он себе. – Её нет больше»*. Но Иван Ильич все равно «умер». Читателю предоставляется право подумать над тем, что бы было, если бы смерть действительно исчезла и в реальном физическом мире, если бы духовно люди всецело осознали свое бессмертие. Таким образом, формируемая на основе конструирования данного метасмыслового интервала художественная идея, остаётся непосредственно не выраженной. Остаётся и вариативность в её репрезентации.

Следует отметить, что изложение основных результатов проведённого анализа данного выдающегося текста культуры из-за ограниченности объёма автореферата представлено в сжатом виде. Были освещены лишь основные результаты без описания работы по выделению связей между смыслами и опредмечивающими их средствами. Поступательные модификации смысло-содержательных связей также подробно не описываются. Все указанные аспек-

ты межкластерного взаимодействия отражены в полном тексте диссертации. Однако представляется, что рассмотренные выше особенности видоизменения смысловых линий на основе разбора создания и модификации цепей опредмечивающих их средств в анализируемом тексте позволяют сформировать представление о динамике взаимодействия крупных смысловых формаций, а также цели такого взаимодействия. В результате установления определённого типа взаимоотношений между целыми кластерами модальной партитуры все частные смыслы, входящие в смысловой стратум текста включаются в целостную систему ради выражение «единого» смысла текста как комплекса метасмыслов, смысловых интервалов и предельных идей. Таким образом, организуя деятельность рефлексии согласно модальной партитуре распределмечивания смыслов текста на каждом из уровней консолидации, читатель способен понять (с достаточной степенью адекватности), что автор хотел сказать человечеству.

В *Заключении* подводятся итоги исследования и определяются его перспективы.

В диссертации была разработана и последовательно изложена модель функционирования модальности в художественном тексте. Таким образом, была реализована возможность исследования модальности как механизма управляющего процессом смысловдвижения в тексте. Указанный механизм действует через формирования мотивационного алгоритма модальной партитуры распределмечивания смыслов текста. При направлении рефлексии на комплексы средств, опредмечивающих узловые смыслы-модализации такой партитуры, координируется процесс распределмечивания подчинённых смыслов каждого кластера. Следовательно, модальность выступает как универсальное метасредство опредмечивания смыслов в тексте в их партитурной организации. Кроме того, организация рефлексивного действия с текстом согласно модальной партитуре распределмечивания его смыслов обеспечивает консолидацию всего смыслового стратума текста. Это происходит благодаря управлению взаимодействием уровней содержания и смысла, установлению внутрикластерных и межкластерных связей различного рода внутри самого смыслового стратума, а также постепенное укрупнение, качественное преобразование смыслов для выхода на более высокий уровень смысловой организации. В работе широко использовалась методика анализа модальной структуры художественного текста при учёте взаимодействия уровней содержания и смысла под воздействием модального механизма консолидации смыслового стратума текста.

В диссертации также было предпринято описание взаимодействия модального смыслового механизма с другими универсальными мыслительно-языковыми категориями и процессами, участвующими в опредмечивании смыслов в художественном тексте – метафоризацией, понятийными полями времени и дейксиса, оценочности, областью представленности аффективных реакций в языке. Проведённое исследование позволило обосновать глобальный координирующий статус модальности в языке и тексте.

Перспективы. Проблема выявления закономерностей функционирования и способов организации понятийной основы модальности в языке и тексте

чрезвычайно сложна, и требует рассмотрения весьма широкого круга вопросов. В число таких вопросов необходимо включить изучение модальности в аспекте её связи с экспликативностью/импликативностью как текстообразующими деятельностями (см.: [Оборина 1993]); влияние прагматики речевого взаимодействия на реализацию стратегий взаимодействия содержания и смысла в рамках модальной партитуры; возможности использования смешанных стратегий организации отношений между уровнями содержания и смысла; меру воспроизведения модальных ориентиров и подчинённых им смысловых элементов в переводном тексте; соотношение типа текста в герменевтической интерпретации (ориентированность на тип понимания) и особенностей конструируемой модальной партитуры.

Приоритетными можно считать дальнейшую разработку следующих проблемных блоков: 1) описание возможных трансформаций смыслового стратума текста в его модальной организации при переводе. 2) модификация модального механизма консолидации смыслового стратума текста в различных типах текстов, литературных жанрах, дискурсах; 3) выявление и описание связи модального смыслового механизма с другими языковыми механизмами оптимизации и интенсификации понимания и рефлексии. 4) разработка практически ориентированных методик обучения пониманию посредством анализа смысловой структуры текста (в рамках преподавания литературы и языка в школе и вузе).

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях.

А. Статьи в рецензируемых научных журналах

1. *Ильина Е.В.* Модальность. Метафоризация. Масштабность и связи мыслительно-языковых конструктов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 6. – Ч. 2. – С. 327–332.

2. *Ильина Е.В.* Модальность и текст // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия «Филология и искусствоведение». – 2009. – № 36. – С. 78–85.

3. *Ильина Е.В.* Построение модальной партитуры и выражение эмоционально-волевых реакций в тексте // Вестник Тверского государственного университета. – 2011. – № 4. – Серия «Филология». – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 48–62.

4. *Ильина Е.В.* Взаимодействие и конфликт блоков содержания и смысла под воздействием модальной партитуры текста // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3(20). – С. 105–115.

5. *Ильина Е.В.* Возможности модальной организации системы временных координат в тексте // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2012. – Вып. 20. – С. 48–58.

6. *Ильина Е.В.* Взаимодействие модальности и оценки при распрямлении смыслов текста // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2013. – Вып. 21. – С. 20–31.

7. *Ильина Е.В.* Виды внутрикластерных связей в модальной партитуре рас-предмечивания смыслов текста // Ученые записки Курского государственного университета : электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – № 2 (26). – URL: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=30>

8. *Ильина Е.В.* Модальная организация текста и пресуппозитивная стратегия регулирования отношений между содержанием и смыслом // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 1 (53). – С. 178–183.

9. *Ильина Е.В.* Взаимовлияние блоков содержания и смысла под воздействием типа модальной партитуры текста // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия «Филология и журналистика». – 2013. – № 1. – С. 52–55.

10. *Ильина Е.В.* Консолидирующая и управляющая функции модальности в формировании смысловой структуры художественного текста // Вестник Тверского государственного университета. – 2013. – № 5. – Серия «Филология». – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 52–59.

11. *Ильина Е.В.* Влияние взаимодействия дейктических планов на модальную организацию художественного текста // European Social Science Journal. – 2013. – Том 2. – № 9 (36). – С. 194–201.

12. *Ильина Е.В.* Взаимодействие конструкторов «предикация» – «метафоризация» – «модальность» в художественном тексте // Вестник Тверского государственного университета. – 2013. – №. 24. – Серия «Филология». – Вып. 5 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 70–75.

13. *Ильина Е.В.* Метафорические и модальные основания понимания художественного текста // Вестник Тверского государственного университета. – 2013. – №. 32. – Серия «Филология». – Вып. 6. – С. 89–95.

14. *Ильина Е.В.* О модальности и предикативности в художественном тексте // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2013. – Вып. 24. – С. 22–31.

15. *Ильина Е.В.* Филологическая герменевтика как методология исследования модальной структуры художественного текста // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 1 (23). – С. 266–269.

Б. Монографии

16. *Пучкова Е.В. (Ильина Е.В.)* Языковая модальность в герменевтической научной парадигме: монография. – Калуга: Калужский гос. пед. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2009. – 87 с. (5,5 п.л.) ISBN 978-5-88725-159-2

17. *Ильина Е.В.* Объективность и субъективность модальности через призму герменевтики: модальное значение и модальный смысл: часть в коллективной монографии «Отечественная и зарубежная литература в контексте изучения проблем языкознания». – Книга 4. – Краснодар: Центр социально-политический исследований «Премьер», 2012. – С. 21–37. (1,2 п.л./ 6, 5 п.л.) ISBN 978-5-905292-55-2

18. *Ильина Е.В.* Модальная организация взаимодействия уровней содержания и смысла в художественном тексте (на примере повести Л.Н. Толстого

«Смерть Ивана Ильича»): часть в коллективной монографии «North American, European and Russian literature: modern problems of study». – Vol. 1. / ed. by M. Asper. – New York: CIBUNET Publishing, 2013. – P. 3–13. (0,9 п.л./3,7 п.л.) ISBN 978-0-9889383-5-9

19. *Ильина Е.В.* Смысловой стратум художественного текста и его модальная организация: монография. – Гамбург: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013 – 200 с. (12,5 п.л.) ISBN 978-3-659-44686-3

В. Статьи в других изданиях

20. *Пучкова Е.В. (Ильина Е.В.)* Модальная аномальность высказывания как противопоставление содержательного и смыслового компонентов высказывания // Вестник Тверского гос. ун-та. – Серия «Филология». – Вып. 14 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2008. – № 27 (87). – С. 241–251.

21. *Пучкова Е.В. (Ильина Е.В.)* Характеристики текстостности в аспекте трансляции смыслов // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностр. языков: сб. науч. тр. – Вып. 2. – Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 2008. – С. 68–75.

22. *Пучкова Е.В. (Ильина Е.В.)* Роль модальности в организации временного стратума текста : содержательный и смысловой аспекты // Вестник Тверского гос. ун-та. – Серия «Филология». – 2009. – № 29. – Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 162–169.

23. *Ильина Е.В.* Дейктические модальные кванторы в модальной партитуре текста в аспекте трансформации блоков содержания в блоки смысла // Вестник Тверского гос. ун-та. – Серия «Филология». – 2010. – № 31. – Вып. 6 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 75–87.

24. *Ильина Е.В.* Языковая модальность и конгломерат средств её выражения // Научный диалог. – Серия «Филология». – № 8. – Екатеринбург: Издательский Дом Ажур, 2012. – С. 182–190.

25. *Ильина Е.В.* Ирреалис, эвиденциальность, модальность : к проблеме соотношения категорий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 07(54). – Ч. II. – С. 26–29.

26. *Ильина Е.В.* Два уровня смысловой организации художественного текста // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – 2013. – № 7. – Краснодар: Пресс-имидж. – С. 123–128.

27. *Ильина Е.В.* Роль категории аспекта при взаимном наложении модальных и временных значений // Научный диалог. – Серия «Филология». – Вып. 10 (22). – Екатеринбург: Издательский Дом Ажур, 2013. – С. 77–87.

28. *Ильина Е.В.* Об использовании общепhilософских оснований в лингвистическом осмыслении феномена языковой модальности // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания: межвузовский сб. науч. ст. – Вып. 4. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. – С. 49–56.

Г. Материалы конференций

29. *Пучкова Е.В. (Ильина Е.В.)* Усмотрение содержаний и смыслов в процессе понимания художественного текста на примере повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Потенциал русского слова в межъязыковом про-

странстве: материалы научно-практич. конф. – Калуга: Наша Полиграфия, 2007. – С. 67–72.

30. *Пучкова Е.В. (Ильина Е.В.)* Модальность и предикативность: комплементарность или антагонизм? // *Мировая культура и язык: взгляд молодых исследователей: материалы VIII всерос. научно-практич. конф.* – Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 2008. – С. 71–78.

31. *Ильина Е.В.* Время дейктическое и время модальное // *Общество – язык – культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. Тезисы V Международной научно-практической конференции (Москва, 2 декабря 2010 г.).* – М.: Московский институт лингвистики, 2010. – С. 54.

32. *Ильина Е.В.* Модальная партитура текста и его рефлексивный потенциал // *Современные вопросы науки – XXI век: сб. науч. тр. по материалам VII международной научно-практической конференции (Тамбов, 29 марта 2011 г.)* – Тамбов: Тамбов. област. ин-т повышения квалификации работников образования, 2011. – Ч. 6. – С. 50–51.

33. *Ильина Е.В.* Возможности описания языковой модальности в сопоставлении парадигм лингвистической прагматики и филологической герменевтики // *Материалы международной интернет-конференции «Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании» (1–15 октября 2011 г.).* – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – URL: <http://rgf.tversu.ru/node/643>

34. *Ильина Е.В.* Взаимодействие модальной организации и специфических средств текстопостроения в стихотворных текстах (на примере сопоставления двух сонетов) // *Материалы IV Международной научно-практической конференции «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования» (15 марта 2012 г.).* – Краснодар: Пресс-Имидж, 2012. – С. 78–86.

35. *Ильина Е.В.* Выбор интерпретационной парадигмы и модальность в тексте // *Современные вопросы науки и образования – XXI век: сб. науч. тр. по материалам международной заочной научно-практич. конф. (29 февраля 2012 г.): в 7 частях.* – Ч. 6. – Тамбов: Бизнес – Наука – Общество, 2012. – С. 45–47.

36. *Ильина Е.В.* Стихотворная форма в контексте изучения модальной организации текста // *Международная научно-практическая конференция «Стратегии исследования языковых единиц»: сборник материалов конференции (28 апреля 2012 г.)* – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – С. 33–37.

37. *Ильина Е.В.* Модальный аспект смысловых трансформаций при переводе культурно нагруженного текста // *Проблемы межнациональных отношений : состояние и перспективы: материалы Всерос. научно-практ. конф.* – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2012. – С. 59–63.

38. *Ильина Е.В.* Модальный потенциал формы прошедшего времени // *Современное общество, образование и наука: сб. науч. тр. по материалам Международной заочной научно-практич. конф. (Тамбов, 31 июля 2013 г.).* – Ч. 2. – Тамбов: Бизнес – Наука – Общество, 2013. – С. 67–70.

39. *Ильина Е.В.* Дейктический компонент в модальной партитуре распределения смыслов художественного текста // *Тенденции и перспективы развития современного научного знания: сб. науч. тр. по материалам VII Междуна-*

родной научно-практич. конф. (Москва, 29 июня 2013). – М.: Спецкнига, 2013. – С. 104–109.

40. *Ильина Е.В.* Модальный аспект использования категории «эмотивность» при исследовании процесса продукции-рецепции текста: возможности и недостатки научной парадигмы филологической герменевтики // Материалы XII Международной заочной научно-практич. конф. «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования» (12 августа 2013 г.). – Краснодар: Пресс-Имидж, 2013. – С. 17–20.

41. *Ильина Е.В.* К вопросу об исследовании модальности в художественном тексте // Материалы XII Международной научной-практической конференции «Современная филология: теория и практика» (Москва, сентябрь 2013 г.): сб. науч. тр. – Науч.-инф. издат. центр «Институт стратегических исследований». – М.: Спецкнига, 2013. – С. 108–112.

42. *Ильина Е.В.* Модальный механизм управления взаимодействием уровней содержания и уровня смысла в тексте // 3rd Conference «Applied Sciences in Europe : tendencies of contemporary development» (Германия, Штутгарт, 2–3 сентября 2013 г.). – Stuttgart: ORT Publishing, 2013. – P. 56–57.

43. *Ильина Е.В.* Аффективные и оценочные компоненты в модальной партитуре распределения смыслов художественного текста: герменевтический аспект исследования // Materiały IX Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Wschodnie partnerstwo – 2013» (Польша, Пшемьсль, 7–15 сентября 2013 г.). – Vol. 16. Filologiczne nauki. – Przemyśl: Nauka i studia, 2013. – S. 53–59.

Технический редактор А.В. Жильцов

Подписано в печать 30.05.2014. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 2,75. Тираж 100. Заказ № 230.

Тверской государственный университет

Редакционно-издательское управление

Адрес: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.

Тел. РИУ (4822) 35-60-63.

